
Светлана Рыжехвост
Неудачный брак Лилии Сольрей

Светлана Рыжехвост

Неудачный брак Лилии Сольрей

«Литнет»
2024

Рыжехвост С.

Неудачный брак Лилии Сольрей / С. Рыжехвост — «Литнет», 2024

Пять лет назад я подписала документы и стала «бумажной женой» господина Дортари. Он назвал это прогрессивной борьбой с засильем кровных ритуалов, вот только в глазах других я не более чем любовница. Но я верила, что все можно исправить, пока супруг не предал меня в самый сложный, самый темный момент моей жизни. Теперь все висит на волоске, и моя работа в Институте прикладной магии и магозоологии, и даже моя жизнь!Сегодня я, Лилия Сольрей, обещаю, что очищу свое доброе имя и обязательно стану счастливой!Пять лет назад Грегори Рейер уехал из столицы, чтобы не видеть, как любимая девушка выходит замуж за другого. Спустя годы он возвращается в столицу, чтобы возглавить кафедру магозоологии…В тексте есть:#Старая любовь, которая не ржавеет #Мантикора-сводница #Сильные герои

© Рыжехвост С., 2024
© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 20
Глава 3 28
Глава 4 44
Глава 5 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Глава 1

Дорогие читатели, добро пожаловать в мой роман!

Аннотация:

Пять лет назад я подписала документы и стала «бумажной женой» господина Дортари. Он назвал это прогрессивной борьбой с засильем кровных ритуалов, вот только в глазах других я не более чем любовница. Но я верила, что все можно исправить, пока супруг не предал меня в самый сложный, самый темный момент моей жизни. Теперь все висит на волоске, и моя работа в Институте прикладной магии и магозоологии, и даже моя жизнь!

Сегодня я, Лилия Сольрей, обещаю, что очищу свое доброе имя и обязательно стану счастливой!

Пять лет назад Грегори Рейер уехал из столицы, чтобы не видеть, как любимая девушка выходит замуж за другого. Спустя годы он возвращается в столицу, чтобы возглавить кафедру магозоологии…

Глава 1

– …тюк-тюк-тюк…

Старательно удерживая на лице интерес, я пыталась незаметно капнуть в чай немного обезболивающего зелья. Сегодня был понедельник, и, как водится, госпожа Дортари прибыла навестить своего старшего сына. И по совместительству моего супруга. С самого утра она инспектировала особняк – как будто что-то могло измениться с прошлого понедельника – и постоянно сетовала на мою неумелость и неподготовленность.

От ее слишком высокого голоса у меня в голове стучали молоточки. Не огромные кузнечные молоты, нет. Что-то мелкое, сливающееся в одно сплошное «тюк-тюк-тюк».

– Ты ведь понимаешь, милая, верно?

Я спохватилась, что последние несколько минут упустила из виду все, что мне говорит дорогая свекровь.

– Абсолютно, госпожа Дортари, – мягко улыбнулась я.

Мой бесценный супруг трепетно обожал свою матушку и потому всякий раз, как та навещала особняк, скрывался в своем кабинете. Удивительно, как так получалось, что деловые встречи всегда выпадали на утро понедельника!

– Сын так много работает. – Свекровь аккуратно поправила прическу, и я в который раз поразилась тому, как ловко она скрывает залысины. Как будто чувствует, где локон сдвинулся со своего места!

– Октавиан трудолюбив, – согласилась я и с содроганием подумала о том, что вскоре мне придется посетить фабрику и заново перенастроить колдовские контуры. – У него много деловых партнеров: бумага, которую мы изготавливаем, наивысшего качества.

– Не «мы», милая, – поправила меня госпожа Дортари, – а он. Ты жена, не правда ли? Следишь за домом, тратишь деньги и украшаешь собой этот мир. Как забавно, кстати, что мой сын построил именно бумажную фабрику!

Она залилась искусственным смехом, а я лишь стиснула зубы. Госпожа Дортари никогда не забывает напомнить мне, что я «бумажная жена». Каждую неделю она находит новый способ напомнить мне об этом. И ни разу же не повторилась!

– Проводи меня, Лилия, – приказала свекровь.

И я поспешно поднялась со стула. Что ж, впереди целая неделя тишины и покоя. Если, конечно, Октавиан вновь не начнет цепляться к деловым партнерам. Все-таки мой супруг довольно вспыльчив, а я… Я умею гасить конфликты.

Вот только еще немного и…

– Чем это воняет?!

Я потянула носом и тяжело вздохнула. Наш повар, господин Этари, активно протестовал против новой плиты. Даже представить себе не могу, что он сжег на этот раз.

– Я разберусь.

– Разбираться надо было до, – вспыхнула госпожа Дортари. – Лилия, я понимаю, что у тебя нет матери и некому было преподать тебе уроки, но ты замужем уже пять лет. Я не буду намекать на отсутствие наследников, но… Уж со слугами-то ты могла разобраться! Я сейчас умру от этого запаха, боги трехликие!

– Не призывайте пристальные взгляды, госпожа, – с тщательно скрываемым раздражением произнесла я. Затем выдернула из рукава платок, надежно его зачаровала и протянула свекрови. – Прикройте лицо.

Усадив госпожу Дортари в карету, я вручила ей корзину с деликатесами, поданную мне служанкой.

– Октавиан просил, чтобы вы непременно приняли этот скромный сыновний дар.

Хотя на самом деле мой драгоценный супруг и знать не знал, что именно слуги туда сложили.

«Семья — это очень сложно и временами неприятно», – пронеслось у меня в голове, пока я смиренно ожидала отбытия кареты. Не то чтобы мне так хотелось постоять на улице, но я знала: если уйти со двора до того, как она отъедет за ворота, то госпожа прибудет уже на следующий день, да не одна, а с «Энциклопедией хороших манер».

– Госпожа Сольрей, господин Этари залил плиту брусничным соусом случайно, – шепнула Нетта, новенькая служанка. – На корзинку немного попало, но я оттерла.

Люди не держались в особняке Дортари. Увы, Октавиан так изводил слуг придирками, что они предпочитали уйти. Господин и госпожа Этари задержались лишь потому, что мой супруг не общался с ними напрямую. А вот служанки… Служанки уходили, не отработав и двух месяцев!

– Знаю я все эти «случайно», – вздохнула я.

Подобрав юбку, я направилась на кухню. Но по пути меня перехватила наша экономка, госпожа Этари. В руках у нее была стопка новых полотенец.

– Опробуйте, подойдет ли почтенному господину махра, – с нескрываемым раздражением произнесла она.

Увы, старые полотенца потеряли свой цвет, а новые никак не получалось купить: махра была слишком жесткой, что раздражало Октавиана.

«Иногда мне кажется, что его злит абсолютно все», – с отчаянием подумала я и забраковала все образцы.

– Принеси мне вечером старые полотенца, я наложу на них иллюзию цвета, – приказала я. – И убеди уже мужа смириться с кухонной обновкой.

– Не имею над ним такой власти, но приложу все усилия, – почтительно проговорила экономка.

Зайдя на кухню, я убедилась, что кофе и десерт уже готовы. Поправив чашечки, я перехватила Нетту и принялась объяснять:

– Над дверью в кабинет висят часы, ты должна постучать в тот момент, когда секундная стрелка отсчитает тридцать секунд. А войдешь только в тот момент, когда пройдут вторые тридцать секунд, поняла меня?

Девушка ошеломленно хлопнула белесыми ресницами, и я, со вздохом, принялась объяснять заново.

«Кажется, мы опять останемся без служанки, – пронеслось у меня в голове. – А ведь на такой особняк нужно больше людей!»

Пока что меня выручало колдовство, но… Я магистр начертательной магии и продолжаю публиковать свои статьи не для того, чтобы под покровом ночи очищать особняк!

Впрочем, последнюю статью я не могу закончить уже около полугода. Наверное, семейная женщина не должна продолжать научную карьеру.

Поднявшись на третий этаж, я с раздражением отметила, что Нетта даже не попыталась совпасть с секундной стрелкой! И, разумеется, из кабинета тут же послышался звон стекла.

Немного прибавив шагу, я поспешила присоединиться к деловой встрече Октавиана.

– Добрый день, пусть трехликие боги не оставят вас своим вниманием, – негромко проговорила я.

Весь дальнейший диалог мне был уже известен. Сейчас супруг представит меня партнеру, тот отпустит пару дежурных комплиментов, после чего Октавиан возразит и скажет что-то вроде: «Не так и хороша, как ты говоришь. Но зато тиха и неперечлива». Или «Не красавица, но зато характер покладистый».

«Конечно, на самом деле он так не думает, – напомнила я сама себе. – Просто мне приходится вызывать на себя его гнев, чтобы он не рассорился с поставщиками».

– Выйди вон, – отрывисто бросил Октавиан.

– Что? – я вздрогнула.

– Выйди. Вон.

Прикрыв за собой дверь его кабинета, я прошла в свою любимую Цветочную гостиную. Подхватив серебряную леечку, начала поливать растения. Затем бережно прошлась зачарованной тряпкой по плотным кожистым листьям, после взрыхлила землю и…

– Возьмите платочек, госпожа, – тихо проговорила Нетта. – Простите меня, я совсем забыла про часы. Ну же, не плачьте.

Поспешно стерев со щек слезы, я наставительно произнесла:

– Счастливые женщины не плачут, Нетта. Все в порядке, займись работой.

Девушка выразительно вздохнула, но перечить мне не стала. А я продолжила пестовать растения. Иногда я думала, что, возможно, поспешила с замужеством. Что, возможно, не стоило принимать предложение Октавиана. Но…

– Ты здесь. Как и всегда.

Обернувшись, я увидела своего супруга. Он стоял в дверях.

«Зол». Сердце тревожно екнуло. «Но почему?!»

– Меня утомило твое постоянно вмешательство. Куда ни повернись, ты везде. Иногда я думаю, что быть твоим мужем – наказание трехликих богов.

Каждое слово било наотмашь. Я… Я же забочусь! Слежу за тем, чтобы в доме и на фабрике все было в порядке. Чтобы…

– Оставь меня в покое, Лили. Пожалуйста.

– Не называй меня «Лили», – омертвевшими губами попросила я.

– А ты не лезь в мужские дела, – отрезал он. – И сколько можно подновлять цвет на полотенцах?! Я что, недостаточно средств тебе выделяю? Ты воистину невыносима.

Он замолчал, а я… Я не нашла слов. Невыносима? Разве забота может быть невыносимой?

– Ты душишь меня, Лили.

– Не назыв…

– Твой институтский дружок только так тебя и зовет, – бросил супруг.

– Я не видела Грегори с нашей свадьбы, – устало произнесла я.

– Разумеется, – усмехнулся Октавиан. – В любом случае я надеюсь, что ты меня поняла. Займись своими делами, Лилия. Ты же так гордилась своим образованием, опубликуй хоть пару статей.

В горле встал комок. От обиды и несправедливости хотелось плакать, но… Не сейчас. Не под его пристальным изучающим взглядом.

– Я обидел тебя? Ты моя жена, и мы должны быть счастливы, иначе к чему этот брак. – Качнувшись, он шагнул ко мне.

– Никаких обид, – ровным голосом ответила я. – Позволь мне закончить с цветами. Это, в конце концов, мое дело.

Повернувшись к нему спиной, я продолжила стирать пыль с листьев. По щекам бежали слезы, но это просто реакция на аромат Дигронии Летучей.

«Один день он кружит меня на руках, а на другой бьет наотмашь. Что я делаю не так?! Почему мой брак «бумажный», почему мы не можем просто быть счастливы?!»

Мне даже посоветоваться было не с кем. Мои родители погибли при пожаре на фабрике. Когда-то давно семья моей матери владела ткацкой фабрикой и за нашей продукцией стояла очередь! Но после пожара осталось лишь пепелище, на котором ближайшие двадцать лет нельзя ничего построить.

Впрочем, девятнадцать лет уже прошло. Мой опекун покинул столицу в тот же день, когда я поступила в Институт прикладной магии и магозоологии. Тетушка всегда была обижена на свою более успешную сестру, и, сколько бы писем я не ни писала, она никогда не отвечала. Мне не удалось стать достаточно хорошей, чтобы она смогла меня полюбить. Вот и сейчас я снова делаю что-то не так.

Стерев со щек слезы, я окинула взглядом цветы. Что ж, хоть кому-то в этом доме я могу угодить.

«В конце концов, Октавиан взрослый мужчина. Возможно, моя забота и правда душит его», – признала я.

Но клокочущая в груди обида и гнев не позволяли так просто смириться с его злыми словами, и… Да пусть он подавиться своими делами! Я из-за нашей фабрики ночами не сплю!

Эта внезапная мысль словно ударила меня. Почему я делаю это? Зачем я хлопочу вокруг него? Если он хочет, чтобы я оставила его в покое, то, быть может, это то, что нужно нам обоим? Либо он начнет ценить мою заботу, либо я научусь держаться в стороне от его дел!

«Но фабрика… Я уже пять лет обихаживаю зачарованные станки».

А с другой стороны, во-первых, я не единственный магистр начертательной магии. Нас таких каждый год по пачке выпускают, а во-вторых, если он придет и попросит, то я вновь возьмусь за станки.

Чуть повеселев, я подмигнула цветам и направилась в свой крохотный кабинетик. Вообще, раньше это был чуланчик, в котором должна была спать моя служанка. Но, увы, люди не желают работать в этом доме, а я одаренный маг… Так что теперь у меня нет помощницы, но есть кабинет с крошечным оконцем под потолком. Света оно не дает, но зато есть стол и стул да пара полок на стенах!

Едва войдя, я первым делом очистила воздух и открыла оконце. Затем пододвинула к себе корзину с письмами и принялась их сортировать.

– А вот, между прочим, это тоже не мое дело, – буркнула я себе под нос, откладывая письма в сторону.

Из всей корзины мне предназначались только два: одно в нежно-зеленом конверте от Грега Рейера, старого институтского друга, и второе – красное с золотом, от редактора «Маговестника». Последнее я вскрыла первым и тут же выругалась.

Рассыпавшись бисером, Тина сообщила, что больше не может принимать мои статьи. Они выходят редко, на разные темы и не являются сколько-нибудь интересными простым людям. Так что на мой счет в банке перечислен последний гонорар, и на этом наши отношения завершены.

– Почему все в один день? – тоскливо спросила я. – Осталось только Грегу со мной попрощаться. Странно даже, что наша дружба так долго продержалась.

Высокий, статный красавец был мечтой всех девиц с первого до последнего курса. Чего уж там, и я на него заглядывалась, пока не познакомилась поближе. Грегори в тот год выхаживал детеныша мантикоры, и я смогла ему помочь в этом нелегком деле. Сейчас госпожа Мурри

уже взрослая серьезная кошечка. А ее голова возвышается над плечом немаленького Грегори, он присылал мне фотокарточку.

«И как только убедил ее посидеть без движения полчаса?» Я покачала головой и взяла конверт.

Открывать его не хотелось. Вот уже пять лет Грег писал о новых землях, в которых им с Мурри довелось побывать. О новых зверях и птицах, присылал зарисовки и небольшие плитки шоколада. Я не съела ни одной, все сложила в стеклянную чашу, чтобы… Чтобы сама не знаю что.

Сломив сургучную печать, я вытащила тонкий хрусткий лист. Почерк у Грега был таким же, как и он сам, – размашистым, уверенным и громким. Да-да, громкий почерк звучит очень глупо, но… Я так его ощущаю.

Прочитав первые строки, я не поверила глазам. Он вернулся? Принял главенство над кафедрой магозоологии и теперь приглашает меня на чашку чая?

– А Мурри будет нашей дуэньей, чтобы никто не посмел распустить про тебя дурных сплетен. Пиши прямо на этом листе, я его зачаровал, – прочитала я вслух последнюю строчку. – Грег.

Наверное, вчера я бы нашла вежливую причину для отказа. «Бумажной» жене не стоит появляться на людях с чужим мужчиной, увы. Но сейчас…

– А почему нет? – спросила я саму себя.

И, не позволяя себе передумать, я быстро написала: «Когда и где?». Чернила впитались в бумагу, и я с нетерпением принялась ожидать ответа.

– Успокойся, он же не может сидеть и ждать… Ох, Грег. Сейчас, в «Чайной Розе».

Неужели он ждал моего ответа? Да нет, наверное, просто занимался делами и случайно заметил.

Не успела я встать из-за стола, как дверь в мой чуланчик распахнулась.

– Письма, – отрывисто бросил Октавиан. – Лилия, зачем ты их взяла?

Мне хотелось возразить. Хотелось напомнить, что я пять лет корпела над этим бесконечным бумажным потоком и потому слуги все письма приносят в мой кабинет, но…

– Дурная привычка, – сдержанно улыбнулась я. – Прости, больше не повторится. Я ухожу в город, хочу встретиться со ста…

– Неважно, – отмахнулся супруг, – если нужны деньги – возьми у экономки.

– Благодарю, не стоит, – отказалась я.

«Не хочу потом объяснять свои траты», – мысленно вздохнула я.

Октавиан был хозяйственным. Он подходил ко всему с рациональной точки зрения и никак не мог понять, отчего пирожные в «Чайной Розе» лучше других.

Супруг унес письма, а я ушла в свою спальню. Посмотрелась в зеркало и чуть поморщилась, Грег наверняка будет насмехаться: мое платье больше подходит почтенной матроне, нежели молодой женщине.

Вот только я устала от изучающих взглядов оборотней, от их непристойных намеков и попыток познакомиться. Все они, двуипостасные, чувствуют, что я живу с мужчиной. А вот брачного кружева на мне не чувствуют, и оттого чем лучше я одета, тем хуже мне на улице.

«Мы люди, нам не нужны лишние ритуалы», – в очередной раз сказала я себе. И не без дрожи покинула особняк. Увы, госпожа Дортари еще не прислала карету назад, и потому до «Чайной Розы» мне придется идти пешком…

– Прекрати трястись, – рыкнула я на саму себя. – Магистр начертательной магии боится дать отпор хулиганам?!

Спеша на встречу, я совсем не смотрела по сторонам. И потому не заметила двух молодых оборотней, что вышли из остановившейся кареты.

Точнее, я их заметила, но в тот момент, когда бежать было поздно!

– Этот светлый день стал еще светлей, – осклабился один из них, – здравствуй-здравствуй, пьянящий цветок.

– Чудесно пахнешь, человечка, – рыкнул второй.

– Не стоит нюхать то, что вам не принадлежит, – холодно проговорила я. – Извольте отойти с дороги.

– К кому бы ты ни спешила, знай: мы заплатим больше, – проурчал первый оборотень.

«Старушачье платье, отсутствие какой-либо краски на лице и простая коса, – с отчаянием подумала я. – Но проблемы никогда не проходят мимо!»

Грегори Рейер

Мурринервничала. Письмо Вредине было отправлено вчера вечером, и кошь сразу же принялась ожидать ответа.

– Она тебя не забыла, – проворчал Рейер и потрепал мантикору по загривку, – в каждом письме о твоем здоровье справлялась. Просила еще одну фотокарточку, где только ты сидишь.

– Мря?

– Не получилось договориться с фотографом, – уклончиво ответил он.

Даже самому себе не хотелось признаваться, что…

– Мр-ря!

Зачарованный лист засветился. Вредина написала ответ.

– Не радуйся раньше времени, – предупредил Грегори и мантикору, и себя.

В отличие от Мурри, ему было ясно, что Лил не пойдет на встречу. Она и так шла против правил все эти годы. Замужняя женщина, поддерживающая связь с другом мужского пола, находится в крайне уязвимом положении. Хотя, конечно, брачное кружево спасает от косых взглядов: ритуал не позволит незаметно изменить супругу. Но от злых языков не спасет ничто.

– Когда и где, – прочитал он. – Когда и где, Мурри.

Непослушными пальцами Рейер накарябал на листке «Чайная Роза», сейчас». И потом, когда ответ уже исчез, задумался. Да, Вредина Лил всегда любила воздушные пирожные из той кафешки, но прошло пять лет. Что она любит сейчас?

– Мря-а-а, – протяжно завыла мантикора, и он поспешно встал из-за стола. Некогда раздумывать, стоит пойти и узнать.

«И прихватить подарок на свадьбу. Все-таки мне стоило прийти, а не сбегать», – отметил он про себя.

Доставать из сундука коробку было неприятно. Он словно вновь очутился в том солнечном дне, когда принес Вредине цветы, а в ответ получил приглашение на ее свадьбу.

«Хватит, – одернул он сам себя. – Зато ты смог полностью отдаться науке».

Стоило Рейеру выйти в холл, как раздалось звонкое:

– Грегори! Грегори, одну минуту подождите!

Обернувшись, он увидел главу кафедры начертательной магии. Госпожа Эллира Дантан спешила изо всех своих невеликих сил. Что, признаться, со стороны выглядело весьма забавно: одной рукой она придерживала круглый живот, а второй прижимала к себе несколько папок с документами.

– Не торопитесь, госпожа Дантан.

– Мря! – возмутилась Мурри.

– Тише ты, – шикнул Грегори на нее, а после обратился к коллеге: – Что-то случилось?

– Вот эти люди вам известны? – Она сунула ему в руки папку и тут же создала для себя стул, на который немедленно опустилась.

– Быть может, стоит вызвать целителя? – нахмурился Рейер и бегло просмотрел листы. – Трое из этих людей мои сокурсники, с вашей кафедры.

«И Вредина среди них», – отметил он про себя.

– Мне срочно нужен помощник, – призналась госпожа Дантан, – я в слишком сложном положении, чтобы продолжать вести практические занятия.

– Мря-мря-мря, – мантикора не была способна говорить, что зато прекрасно понимала человеческую речь. – Мру-у-у-у!

– Вы уже писали им? – уточнил Рейер.

– Большая часть отказалась, – вздохнула госпожа Дантан. – Меньшая не прошла тест. Сами понимаете, помощник мне нужен всего на год. Возможно, я оставлю этого человека младшим преподавателем, а возможно, и нет. Потому маги, у которых есть надежная работа, не идут, а те, кто идут…

Она махнула рукой.

– Я сейчас иду на встречу с женщиной из вашего списка, – серьезно сказал Грегори.

– А это подарок для нее? – заулыбалась госпожа Дантан.

– Это запоздалое поздравление со свадьбой, – сухо ответил Рейер. – К сожалению, я был вынужден покинуть город и не попал на торжество. Последующие годы у меня не было возможности приехать и…

Эллира нахмурилась:

– Но ведь вы согласовывали все путешествия с научным отделом нашего института. Я точно помню, что именно вы…

– Я спешу, – быстро произнес Рейер. – Доброго дня, и прошу вас: не бегайте. Наш проректор будет безутешен, если потеряет и вас, и ребенка.

Мирра, нетерпеливо переминавшаяся с лапы лапу, согласно муркнула и устремилась на улицу.

– Если хочешь – лети вперед, – бросил Грегори негромко.

И был несколько уязвлен, когда мантикора воспользовалась его предложением. Впрочем, он и сам соскучился по Вредине. По ее сияющим синим глазам и ласковой, доброй улыбке.

«Почему все пошло именно так? – он не мог не задаться этим вопросом. – Не важно. Вредина счастлива – и это единственное, что меня волнует».

Сжав коробку с подарком, Грегори немного ускорил шаг. По дороге он успевал раскланиваться с преподавателями и отбиваться от студентов, которые пытались убедить нового профессора, что его предшественник «обещал зачет поставить, но забыл. А у меня все сдано было, честно-честно».

– Профессор, – дорогу преградила высокая волчица, – когда мы будем пересдавать итоговый тест?

– Сначала мы его напишем, студентка Арсковец, – ровно проговорил господин Рейер.

Оборотница тут же прикрыла ладошкой рот:

– Ой, да. Я хотела спросить, когда мы будем сдавать, а не пересдавать. Я ничего не упущу из ваших лекций. А это подарок на свадьбу? Обертка красно-золотая – значит, на свадьбу, да?

– Насколько мне известно, у вас висят хвосты по начертательной магии. Уделите свое внимание профессору Дантан.

Обойдя волчицу, Рейер прибавил шагу. Он ощущал ярость мантикоши, и это его пугало. Мурри путешествовала с ним по всем островам и континентам, и даже пустынные прыгучие ящеры не привели ее в такое буйство!

Под конец Грегори почти бежал, но все равно к основному действу не успел. Вынырнув из-за угла на главную улицу, он увидел Лил. Руки Вредины полыхали багровыми отсветами, а у ее ног… У ее ног лежал оборотень. А Мурри с мурчанием когтила второго.

– Что здесь произошло, цхинги вас побери? – процедил он себе под нос.

За несколько секунд он оказался за спиной Лилии, и в этот момент из стоящей в стороне кареты вышел высокий оборотень.

– Что вы себе позволяете? – процедил он, направляясь к Лилии.

– Я имею право на самозащиту, – ровно проговорила госпожа Сольрей.

– Хочу напомнить вам о поправке тридцать восемь, – оскалился оборотень.

– Хочу напомнить вам, что каждый имеет право на самозащиту, – холодно произнес Рейер, показывая, что он не просто зевака, а стоит на стороне Лилии.

Резко обернувшись, Вредина окинула его испуганным взглядом и прошептала:

– Грег…

А у него защемило сердце. Ее яркий синий взгляд выцвел, обратившись серым скучным взором умирающей старухи. Под глазами залегли тени, волосы потускнели, а в уголках губ залегли горькие складки.

«Что же с тобой произошло, Вредина?» – подумал он, а вслух произнес совсем другое:

– Счастлив видеть тебя. И вот, не смог вырваться на вашу свадьбу, но традиционный дар всегда был при мне.

Оборотень окинул взглядом ало-золотую коробку, затем посмотрел на Лилию и процедил:

– Вам не стоит покидать особняк своего супруга, госпожа.

– Вашим ученикам стоит научиться сдержанности, – жестко ответила Вредина. – Я магистр начертательной магии, честная жена благородного человека и постоянный автор «Маговестника». Со мной не получится безнаказанно повеселиться.

Оборотень щелкнул пальцами, и двое других тут же обернулись во вторую ипостась.

– Они останутся в таком виде на три недели. Потренируют выдержку.

– Мне всегда казалось, что извинения звучат иначе, – с прохладцей бросила Лилия.

– Вам казалось, – усмехнулся оборотень.

Грегори нехорошо улыбнулся, вскинул руку и, засветив вокруг пальцев ядовитый лиловый туман, сдержанно осведомился:

– Возможно, скоротечная дуэль поможет вам вспомнить правила приличий?

Несколько секунд оборотень раздумывал, после чего приложил руку к груди и слегка склонился:

– Вынужден отступить и принять на себя вину. Примите мои извинения, госпожа.

Резко развернувшись, оборотень вернулся к карете. Следом за ним в нее заскочили и волки.

– Спасибо, – улыбнулась Лили, – если бы не ты, этот скандал мог затянуться. Ты… Ты стал еще выше, что странно. Люди не должны расти после двадцати пяти лет.

– А я как грибочек, меня дождиком поливало, – хрипло сказал Грегори. – Что здесь произошло?

– Молодые оборотни искали развлечение, а нашли меня, – она пожала плечами. – Ты еще не передумал идти в «Чайную Розу»? Чувствую, что мне необходима ударная доза сладкого!

А затем она качнулась вперед и крепко-крепко обняла Рейера.

– Я скучала. Очень-очень.

Он не осмелился ответить на объятие. Вокруг было слишком много людей, и за его секундное удовольствие платить бы пришлось Вредине.

– Я тоже скучал, – севшим голосом проговорил он. – Ты все еще любишь «Чайную Розу»?

– Больше всего на свете. – Она отстранилась и быстро-быстро смахнула со щек слезинки. – Идем?

– Идем, – кивнул Рейер.

«У меня все больше вопросов к твоему супругу, Вредина, – подумал он. – Кажется, я зря не встретился с ним перед вашей свадьбой».

Лилия Сольрей

Несколькими минутами ранее…

– Садись в карету, человечка, – приказал оборотень. – Я чую твою магию, она сильна. Это то, что нужно…

– Вердан, – оборвал его второй, – а ты… Я не чувствую твой страх, человечка. Набиваешь себе цену?

А я действительно не боялась. Они даже не попытались воспользоваться заглушающими магию артефактами. Они думали, что хватит лишь угроз?

– Я мужняя жена, – жестко, холодно проговорила я. – И если вы так хороши, то должны чуять не только отсутствие брачного кружева, но и наличие лишь одного мужчины в моей жизни.

На лице Вердана отразилось замешательство. На краткую долю секунды он усомнился в себе, и я тут же атаковала.

Начертательная магия не подходит для дуэлей и быстрых, динамичных битв. Слишком долго выплетать маго-геометрические фигуры, слишком медленная накачка силового контура, чрезмерно сложные условно-боевые заклинания. Зато такие, как я, хороши в осаде.

– Вокруг твоего друга мой барьер, и только мне решать, получит ли он кислород. – Я вскинула руку, заставляя оборотня замереть на месте. – Не стоит смотреть на человеческих девушек как на добычу. Мы не ваши подстилки, оборотень.

– Ты хотя бы осознаешь, на кого ты посмела поднять руку? – прошипел он.

– На того, кто пытался принудить меня к нежеланной плотской связи, – холодно бросила я. – И вряд ли он будет рад, если ты поделишься этой историей с другими оборотнями.

– Ты!

Но я боялась, что он все же рискнет напасть. И он даже сделал рывок, но… Знакомые глянцево-черные перья закрыли меня от угрозы.

– Мурри, – выдохнула я, – как ты выросла, девочка!

Подумать только, вот эту великолепную, грациозную мантикошь я выпаивала собственной кровью из крошечной пипетки!

Но если она здесь, значит, и Грегори тоже рядом! А я так надеялась скрыть от него некоторые обстоятельства своего брака.

«Я не должна этого стыдиться, – сказала я самой себе. – Мы с Октавианом муж и жена перед лицом магистрата».

Вот только с каждым разом эти слова звучали все менее и менее убедительно.

Из кареты вышел третий оборотень. Он выглядел встревоженным и злым одновременно.

– Что вы себе позволяете?

«Значит, это и правда какие-то родовитые мерзавцы? – с горечью подумала я. – Быть может, мне и правда стоило остаться в особняке? Или вызвать экипаж? Но у меня больше нет работы».

И вдруг меня окатило знакомым теплом. В груди словно появился пушистый, наполненный солнечным светом шарик.

– Я имею право на самозащиту, – бросила я.

– Хочу напомнить вам о поправке тридцать восемь, – оскалился оборотень.

«Поправка тридцать восемь? Что за глупости? – пронеслось у меня в голове. – К какому закону эта «поправка»?»

– Хочу напомнить вам, что каждый имеет право на самозащиту, – холодно произнес Рейер.

И я осознала, что не ошиблась. Он и правда стоял позади.

– Грег…

Он что-то говорил, кажется, чем-то угрожал третьему оборотню, но… Для меня все прошло как в тумане. Даже не слишком обратила внимание на волчий оборот.

Мне удалось прийти в себя только в кафе.

– Возьми облачный бисквит, – предложила я Грегу. – Мне только чай и миндальное печенье.

– Выбирая между кремовым пирожным и сухим печеньем ты всегда выбирала… Неважно, – он оборвал сам себя. – В любом случае я, во-первых, запоздало поздравляю тебя со свадьбой. А во-вторых, угощаю, потому что перед тобой не абы кто, а глава кафедры магозоологии!

Склонив голову, я признала поражение. Мы сделали заказ, и за столиком повисла неуютная тишина.

– Спрашивай, – вздохнула я. – Или нет, ты слишком вежлив. Да, у меня «бумажный» брак.

– Лил…

– Я допустила ошибку и теперь пытаюсь понять, как… как все изменить. Свадьба прошла нехорошо, и я сама отказалась от ритуала, затащив Октавиана в магистрат. Ты же знаешь, что «бумажный» брак заключается мгновенно и расторгается практически так же.

– За пару недель, – поправил меня Рейер, – теперь за пару недель. Его Величество заметил, что этими документами начали прикрывать торговлю людьми и… Неважно. Я не осуждаю тебя. Это твоя жизнь, и, пока ты счастлива, я тоже счастлив.

– Мря?!

В голосе Мурри было столько возмущения и недоумения, что я рассмеялась:

– Кажется, ты лукавишь.

– Я не понимаю, почему богатый фабрикант не нанял для своей супруги охрану. Несколько боевых магов разом охладили бы пыл тех шерстяных. – Грег покачал головой. – Я не лезу в твою семью, Вредина. Но… О вашей фабрике уже летит молва.

– Да, – я кивнула, – наши станки – это моя гордость. Я пять лет пестовала их, настраивала и перенастраивала. А еще я смогла изменить состав бумаги так, что теперь она впитывает магию куда охотнее, это позволит удешевить производство контрактной бумаги.

О фабрике я могла говорить часами. Это было моей гордостью. Когда Октавиан привел меня туда, все станки были в плачевном состоянии, крыша протекала, а работники… Работники разбежались, прихватив с собой остатки ценных вещей.

После Академии у меня были лишь теоретические знания. Практика у нас была поставлена не так хорошо, как хотелось бы и многие нюансы мне пришлось узнать на личном опыте.

– Кстати, теперь я знаю, что разряженные накопители тоже могут взорваться, – рассмеялась и погладила левое плечо, – напоминание о том конфузе навсегда осталось меня на руке.

Глаза Грегори потемнели.

– Почему ты этим занималась?

– Потому что он налаживал связи, – я улыбнулась, – увы, мало кто хочет говорить с женщиной о делах.

Рейер на мгновение прикрыл глаза, а после сухо уточнил:

– Ты сидела на разрушенной фабрике и восстанавливала станки, пока твой… твой Октавиан наносил визиты.

– Мне страшно представить, сколько сил уйдет на восстановление фабрики моей семьи, – тихо проговорила я. – Земля все еще отравлена пылью взорвавшихся накопителей, но время почти вышло. Но у меня уже есть опыт, так что все пройдет благополучно.

Грегори вздохнул:

– Прости, я не должен был на тебя нападать. Ты… Ты счастлива, Вредина?

Его глаза пронизывали меня насквозь. Но ложь была привычна, я ни на секунду ни запнулась, произнося:

– Конечно. Я получила от этого брака то, чего ожидала.

– Это не тот ответ, который я ждал. – Он покачал головой.

– Ты хотел услышать, как я несчастна? – поразилась я.

Но он лишь усмехнулся:

– Я хотел услышать, что твой Октавиан носит тебя на руках, сдувает пылинки и ты любишь весь мир, потому что счастливые люди любят весь мир. Ты ведь так когда-то говорила, помнишь?

Хорошо, что в этот момент к нашему столу подошла подавальщица. Пока она расставляла пирожные и чайные чашки, я старательно чесала уменьшившуюся в размерах Мурри. А потом… Потом сделала вид, что забыла, о чем мы говорили.

По счастью, Грегори было легко отвлечь, если спросить о магозоологии. Он вдохновенно рассказывал о том, кого привез для живого уголка нашего института. Потом ворчал на студентов, которые атакуют его со всех сторон.

– Кстати, ты общаешься с кем-нибудь из своего выпуска?

– Ты про начертальщиков? – уточнила я. – С Луизой и Бертой, а что?

– Профессор Дартан, она была младшим преподавателем пять лет назад, находится в положении, – тут Грегори выразительно пошевелил бровями, – и это положение не позволяет ей практиковать слишком часто. Она ищет помощницу на год.

– Луиза при дворе, – я покачала головой, – а Берта и сама в положении. Это ее третий ребенок, так что она оставила практику и сосредоточилась на семье.

– А ты? Ты не… Неважно. – Он отвел взгляд. – Кстати, помнишь, как мы заполняли зоопаспорт для Мурри?

К моим щекам прилила краска, и я, промычав что-то утвердительное, принялась колупать ложечкой облачное пирожное.

– Открыл я тут «Маговестник», а там целый цикл статей от некой Муррисы Рейсоль. Как сейчас помню, ты взяла кусок от моей фамилии, кусок от своей – и так получилась «Рейсоль».

– Меня не выпустили под своим именем, – я развела руками, – «бумажный» брак никогда не был почитаем, но после того, как всплыла торговля людьми… Да и в любом случае я больше не буду публиковаться. Тина, мой редактор, сообщила, что мои статьи не интересны людям. Так что я лишилась своего небольшого заработка.

– А… – Грегори выглядел ошеломленным и даже не с первого раза смог сформулировать свой вопрос. – А, прости, зачем *тебе* работать?! Один только наш институт закупает у вас столько бумаги, сколько…

Он осекся и поднял руки:

– Прости. Наверное, я одичал в лесах.

Я покачала головой:

– Все в порядке. Я… Я не знаю, Грегори, стоит ли мне пробоваться. Но я бы хотела, хоть в институте и обучается много оборотней и мой «бумажный» статус станет всеобщим достоянием.

– Ты сказала, что счастлива. Значит, тебя не беспокоит твой статус. – Грегори стиснул кулаки. – Вредина, одно твое слово, и я…

– Не надо, – я потянулась через стол и накрыла его руку ладонью, – я напишу тебе, хорошо? Завтра днем.

– Мурри пойдет с тобой. Передашь записку с ней, – тут же проговорил Рейер. – Тебе нужна защита, а проводить тебя до дома мне не позволяют правила приличия.

Кивнув, я вернулась к расковыриванию своего пирожного. Отчего-то сегодня в «Чайной Розе» все было как-то не так. Как-то не так, как это было раньше. Хотя это снова были мы: я, Грег и Мурри.

Разговор у нас дальше не задался, и я встала. Почту еще никто не отменял, а общаться посредством писем у нас получается лучше. Ничего не мешает.

Мурри уменьшилась в размерах и расположилась на моих плечах, а Грегори… Грегори попрощался со мной и завернул за угол. Вот только уже через несколько минут я почувствовала его ауру. Прикрывшись невидимостью, он шел позади нас.

«В этом весь Рейер, – с нежностью подумала я. – Он всегда знал, как соблюсти приличия и при этом поступить по-своему. Странно только, что на его запястьях нет брачных рун. Неужели его возлюбленная отказала ему?»

Я не могла представить девушку, способную отказать Грегори Рейеру. Тем более что когда он говорил о ней, то в его голосе слышалась неподдельная нежность. Нежность, которая отравляла меня хуже самого горького яда. Наверное, поэтому я старалась пропускать эти его слова мимо ушей. Потом он стал реже ее упоминать, и все наладилось.

А потом…

– Спасибо, что проводил, – шепнула я, проходя сквозь открытые ворота.

– Ась? Госпожа, вы что-то сказали?

Старый Арко, сторож, поднялся со своей скамьи и чуть подслеповато уставился на меня. Я же покачала головой:

– Все в порядке. Просто мысли вслух.

Он покивал и сел обратно. Арко был стар и слаб, но зато невероятно чувствителен к магии. Он управлял защитным контуром, который охватывал всю территорию особняка Цветущих Слив.

«Как же я была счастлива, когда мы с Октавианом его выкупили. Годовой доход фабрики вбухали, а потом…»

Это был наш первый конфликт. В бумагах на дом нет моего имени.

«Ты моя жена – очевидно, что это твой дом. Зачем ты усложняешь? Ты хочешь уйти от меня? Нет? Тогда к чему все это?»

Я так растерялась, что не смогла ничего возразить.

– Госпожа, господин в плохом настроении, – прошептала Нетта, когда мы столкнулись в холле. – Он знает, что вы…

– Не стоит трепать языком, если не хочешь вылететь из моего дома, – холодно и жестко проговорил мой супруг, вышедший из боковой двери. – Извольте пройти в мой кабинет, дорогая супруга.

Сердце на мгновение дрогнуло, но… В чем моя вина?

– Что-то случилось на фабрике? – спросила я и переложила с руки на руку подарок Грега.

Взгляд Октавиана задержался на коробке, после чего он недовольно дернул губой и резко развернулся. Что ж, сейчас узнаем, что случилось.

– В гостях второй мужчина, кажется, оборотень, – пискнула Нетта.

– Иди на кухню, – сказала я ей. – И не выходи, пока я тебя не позову.

А в кабинете действительно обнаружился оборотень. Более того, тот самый, что забрал двух своих идиотов!

– Вы все-таки решили извиниться? – удивилась я. – Почему?

– О чем ты говоришь? – нахмурился Октавиан.

– Двое подопечных этого господина напали на меня, – я спокойно посмотрела на супруга, – не все в нашем королевстве согласны с твоим мнением по поводу ненужности замшелых кровных ритуалов.

Оборотень ничуть не смутился и ровно проговорил:

– Мне не за что извиняться, я спас вас. А щенки были наказаны, хоть и не слишком строго. Их отец нуждался в услугах не обремененной моралью женщины. У нашей расы есть свои особенности.

Я ошеломленно посмотрела на Октавиана, но он… Он просто сидел. Его совершенно ничего не смутило! А ведь у оборотней упоминание гона в присутствии чужой жены – смертельное оскорбление.

– Жаль, что я не могу посочувствовать вашей расе, – проронила я наконец. – Октавиан, ради чего я присутствую здесь?

В этот момент оборотень потянулся вперед и жадно втянул воздух. Мурри, так и сидевшая на моем плече, угрожающе заурчала, но не пошевелилась. Умная девочка лишь предупреждала и, пока не наступил момент, выжидала.

– Могу заверить вас, господин Дортари, что ваша супруга не имела половой связи ни с кем, кроме вас, – проронил оборотень.

– Благодарю за эту маленькую помощь, – улыбнулся мой супруг, – и прошу простить, что втянул вас в наши семейные дрязги.

– Мы теперь деловые партнеры, господин Дортари. Приятного дня, госпожа Сольрей.

Он вышел, а я немо уставилась на мужа.

– Что ты так на меня смотришь? – вспыхнул он. – Не успел твой дружок вернуться, как ты тут же умчалась к нему навстречу!

– Я пыталась тебе об этом сказать, но ты отмахнулся, – отмерла я.

Но Октавиан тут же возразил:

– Не говори ерунды, я бы услышал, если бы действительно хотела сказать. Лили…

– Не называй меня так, Отти, – зашипела я. – Тебе ли не знать, что для меня стоит за этим именем! Я всего лишь встретилась со старым другом. В общественном месте, между прочим! Он передал нам подарок на свадьбу да спросил меня о других начертальщиках. Но ты… Как ты мог?! Если ты мне не доверяешь, то вперед, проведи ритуал, цхинг тебя подери!

Октавиан покачал головой:

– Надо же, ты хочешь брачный ритуал. А отчего ты не хотела его раньше, пока фабрика лежала в руинах и не приносила никакого дохода?

Вскочив, я холодно спросила:

– А тебе напомнить день нашей свадьбы, Октавиан? Тебе напомнить, почему был сорван *брачный ритуал*? Или ты считаешь, что я мало трудилась на фабрике?

– Вот только не надо сейчас драматизировать, Лилия. – Он поморщился. – Любой начертальщик справился бы с этим. Вас таких в год по пачке выпускают.

Я рухнула в кресло. Эти слова… Эти слова словно выбили из меня воздух. *Любой начертальщик?!*

– Какой цхинг тебя покусал сегодня? – неверяще спросила я. – Что произошло? Почему ты…

Он вскочил, в одно мгновенье оказался подле окна, отдернул штору и… Цхинги проклятые, это же моя шкатулка с зельями!

– Я узнал, что моя жена использует противозачаточные зелья, – он криво усмехнулся, – а я все понять не мог, почему твое чрево столь пусто и бесполезно! Ну ничего, теперь все изменится, Лилия.

На секунду я испугалась, но после… Встав, я погладила встревожившуюся Мурри, после чего спокойно проговорила:

– Ничего не изменится, Октавиан. Без зелий ты ко мне в спальню не войдешь. Никаких детей в «бумажном» браке не будет. Пять лет назад я совершила ошибку, но я не позволю тебе ее усугубить.

– Ты смеешь отказывать мне? – оторопел он. – Ты? Нищая сиротка?

Я отступила назад. *Нищая сиротка?*

– Это вот так ты обо мне думаешь?

Взгляд Октавиана изменился. Охнув, он поднял руку и прикрыл ладонью рот. А через секунду рассыпался сотней извинений.

– Я ревновал, прости меня. Твой друг был слишком известен своими похождениями, – шептал Октавиан лихорадочно. – Я виноват, я не думаю так, я…

Но в этот раз я не захотела дослушивать до конца. Что-то внутри меня сломалось, и горячечные слова супруга больше не трогали мою душу.

Войдя в свою спальню, я попросила Мурри охранять вход. До вечера есть время, а значит, нужно провести его с пользой – смыть с себя этот день и подготовиться к собеседованию в родном институте.

«А ведь бумажный брак можно расторгнуть», – пронеслась в моей голове крамольная мысль. И в этот раз я не смогла просто отбросить ее в сторону…

Глава 2

Учитывая вчерашний день, неудивительно, что этим утром я встала с больной головой. Не помог даже холодный душ – молоточки так и продолжали стучать в висках. Тщательно просушив волосы, я села к туалетному столику и достала деревянный гребень. Прочесывая волосы, я не забывала понемногу добавлять зелье, чтобы пряди не путались и послушно лежали в прическе.

Открыв гардероб, чуть поморщилась. Почему-то сегодня мне совершенно не нравилась цветовая гамма платьев – синий-коричневый-серый.

– Мря? – Проснувшаяся Мурри сунула любопытный нос в гардероб.

– Зато они идеально подойдут к черному учительскому плащу, – вздохнула я. – Ты так не думаешь?

– Мфр, – выдохнула мантикошь и, повернувшись пушистой жопкой к моим платьям, весьма выразительно закопала их лапой.

– Тц, какая ты невоспитанная, – пожурила я ее. – Тут ткань знаешь какая хорошая? Вовек сносу не будет! И потом, профессор, пусть и на замене, не должен сверкать глубоким декольте.

– Мр-мр-мр, – отозвалась Мурри.

И в этом ее мурлыканье мне слышался вопрос. Мол, ты точно решила?

А я да, я точно решила. Полночи почесывала Мурри и думала-думала-думала о том, стоит ли пытаться устроиться в родной институт. В итоге решила попробовать. И дело даже не в том, что я соскучилась по богатой библиотеке, а еще и в том, что мне нужны средства к существованию. «Бумажные» супруги не объединяют свои финансовые активы и пассивы, так что у меня есть только загрязненная земля с развалинами фабрики да шкатулка с серебряными украшениями, что остались после мамы. Все ее золото было продано тетушкой, чтобы «прокормить проклятую нахлебницу».

А я ведь до сих пор помню мамино колечко с жемчужинкой – оно не было каким-то особенно памятным, просто запало мне-ребенку в душу. Иногда, получая очередной гонорар от редактора, я шла по ювелирным лавкам, но ничего похожего мне найти не удалось. Очень уж оно было простым, без бриллиантов, без укрытых внутри заклинаний.

– Не думай об этом, – приказала я сама себе.

Закончив с прической, я достала шкатулку и вытащила сережки с кристаллами горного хрусталя. К ним у меня была тоненькая цепочка с подвеской. Колечек не осталось никаких, увы.

– А я и не хочу никаких колец, – проговорила я вслух, – магу-начертальщику нужны подвижные пальцы.

Бросив последний взгляд в зеркало, я набросила поверх утреннего платья плотный бархатный халат и, обув домашние туфельки, покинула спальню, позволяя Нетте заняться уборкой.

В своем кабинетике я тут же полезла на самую дальнюю полку, за документами и копиями статей. Самое главное, что у меня на руках был трехсторонний договор, в котором указывалось, что статьи авторства Лилии Сольрей будут выходить под именем Муррисы Рейсоль. И отдельно был документ, удостоверяющий, что только я имею право на использование этого псевдонима. Правда, стряпчий предупредил меня, что если в этом мире родится настоящая Мурриса Рейсоль, то она тоже сможет публиковать статьи по начерталке под этим именем, но… Скажем прямо, вероятность невелика.

Простой магочертеж позволил мне скопировать все свои документы, после чего я написала письмо госпоже Дантан. Указала, что получила информацию от близкого друга и спешу

откликнуться. И также указала, что имею некоторые сложности, кои хочу обсудить при личной встрече.

Запечатав толстое, увесистое письмо, я бросила его в почтовую корзину. Вызвав проекцию времени, поморщилась. Рань несусветная! Хотя как сказать. Сейчас самое время, чтобы пойти и заняться привычными вещами. Утренние чары Октавиана сработают через час, за это время мне нужно успеть проверить его завтрак и заварить особый чай, в котором будет незаметен вкус витаминного зелья. Увы, он отказывается принимать его просто так, а без него… Без него он уже через неделю покроется шелушащимися пятнами.

Да и нужно посмотреть, правильно ли Нетта все расставит на подносе, потому что булочек должно быть ровно четыре, чтобы была горка. А джем следует охладить, а масло немного подогреть, чтобы легче намазывалось.

Тихо застонав, я поднялась из-за стола. Эта утренняя рутина меня просто убивала! Но самое обидное, что, когда бы я ни находила служанок с магическим даром, Октавиан их просто-напросто выживал из дома! А еще же нужно улучить момент и зачаровать его одежду так, чтобы она была теплее воздуха на три градуса. И я уже просто замучилась изменять заклинание.

У двери я столкнулась с Неттой, которая принесла нарезанное мясо для Мурри и мне чашку чая с молоком и сахаром.

– Подкрепитесь, госпожа, – прошелестела служанка. – Я знаю, вы ничего не едите на первый завтрак, но…

Она отвела глаза, а я с благодарностью взяла чашку и улыбнулась:

– Спасибо. Отправишь мое письмо?

– Да, – она кивнула, подхватила письмо и выскользнула за дверь.

– Мря? – мантикошь оторвалась от своей миски.

– Приятного аппетита, – рассмеялась я и, вернувшись к своему столу, сделала первый глоток.

Наблюдая за тем, как Мурри с удовольствием поглощает свежую вырезку, я думала о том, что мантикошь умеет наслаждаться жизнью. А мне же придется побегать, чтобы восполнить потраченное на чай время.

И тут, глядя на сложенные крылья Мурри, я вспомнила, как яростно Октавиан отрицал мою заботу. Как он требовал оставить его в покое. И как я решила, что, как хорошая жена, должна его послушать. И когда, как не сейчас? Ведь если я стану помощником преподавателя, у меня просто не будет времени на все эти утренние мучения! Да и на ночные пыльные бдения – тоже… Так что особняку предстоит зарасти пылью, если, конечно, мой супруг не научится ладить с прислугой.

Медленно выпив чай, я достала старые эспандеры для пальцев. С трудом застегнув тугие ремни, начала тренировку и уже через минуту принялась снимать артефакт. Увы, я не доставала их со времен учебы, и приходится признать: мои руки ослабели.

За несколько дней я не верну пальцам былую силу, но, по крайней мере, хотя бы немного подготовлюсь к предстоящей работе. Помощник преподавателя всегда много колдует. А раз уж профессор Дантан в положении, значит, это «много колдует» стоит смело умножить на два! Кстати, именно по этой причине я верю, что они примут мое предложение.

Время до второго, семейного завтрака пролетело незаметно. Я успела натренировать обе руки до боли и теперь, сменяя платье, с трудом сдерживала выступающие слезы. Пальцы немного опухли и болели так, словно я опять первокурсница!

Впрочем, у меня еще есть хорошее масло для рук. И если капнуть в него немного обезболивающего, то до ночи меня пальцы не побеспокоят.

«Ничего, пара недель – и организм привыкнет», – утешила я саму себя.

– Мря?

– Мря-мря, сейчас пойдем и покормим тебя еще раз, только оставайся маленькой, – попросила я мантикошь, и та радостно затарахтела.

В этой жизни Мурри любила три вещи: есть, спать и охотиться. И иногда я ей очень сильно завидовала…

Прежде чем идти в столовую, я завела мантикошь на кухню. Октавиан бы устроил скандал, если бы увидел, как Мурри трескает сырое мясо. Поэтому вначале я побеспокоилась о подруге. Проследила, чтобы наш повар не забыл угостить ее свежим молочком, и напомнила Нетте, чтобы та открыла дверь и отпустила красавицу во двор. Мантикошь была весьма чистоплотна и после всех «дел» сжигала «результат» собственной магией. При этом не страдали ни трава, ни цветы.

– Будьте осторожны, госпожа, – прошептала Нетта, – господин с самого утра не в духе.

«Еще бы он был «в духе», – вздохнула я мысленно, – если все пошло не так, как он привык за пять лет!»

Превратив часть стены в зеркало, я проверила свой внешний вид, поправила волосы и магией стерла с лица излишний румянец. Благородные дамы не алеют щеками, они оставляют это младым селянским девам. По крайней мере, так считает госпожа Дортари.

Войдя в столовую, я сразу отметила, что в этот раз Октавиан не стал встречать меня у входа и провожать к столу. Мне и самой не очень-то нравилось это подражание высокой аристократии. Все-таки ни Сольрей, ни Дортари никогда не были в Списке Сорока Трех. В отличие от того же Рейера, чью семью с треском исключили из этого самого перечня.

Бросив на супруга взгляд, я сразу отметила, что на рукавах рубашки имеются подпалины. Он сам решил подогреть одежду и не справился?

«Почему тогда не переоделся в другое?» Я села к столу и, улыбнувшись, негромко произнесла:

– Доброе утро, супруг мой.

Октавиан поднял на меня глаза и, хмыкнув, отбросил в сторону карандаш, который до этого вертел в пальцах.

– Доброе утро, любезная супруга.

Когда он злился, его магия становилась агрессивной и ощущалась как облако тонких колючек, жалящих беззащитную кожу. К сожалению, Октавиан мне не поверил: никто из его однокурсников никогда ничего подобного не замечал. Но дело в том, что это мой дар, моя особенность. То, что позволило мне стать весьма и весьма искусным начертальщиком! Я в буквальном смысле чувствую магию всем телом.

В общем, он мне так и не поверил, а потому я сейчас очень рада, что мы перестали сидеть рядом. Раньше, после свадьбы, мы предпочитали сидеть вместе. Он – во главе стола, я – по его правую руку. Но постепенно все свелось к тому, что я начала занимать место напротив.

Через неприметную дверь вошла Нетта. Она везла многоярусный сервировочный столик и, вопреки всем правилам, вначале поставила блюда передо мной и лишь затем перед Октавианом. Меня это позабавило, вот только я прекрасно понимала, что после мой супруг оторвется на ней за эту ошибку.

Завтракали мы в тишине. Я думала о том, сколько успела за одно свободное утро, и прикидывала, что еще успею сделать до обеда. А там, быть может, придет письмо из института. Если им нужны люди, то действовать они будут быстро, а значит…

«Не возлагай на них чрезмерных надежд», – сказала я сама себе.

– Доброго дня. – Я промокнула губами салфетку.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – бросил супруг мне в спину.

– М-м-м, нет. – Я нахмурилась, не понимая, о чем он говорит. – Что-то случилось на фабрике?

Он откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Что-то случилось прямо в этом доме, Лилия. Тебе ничего не показалось странным в этом доме? Возможно, ты что-то упустила?

Я понимала, к чему он клонит, но… Наверное, пришла пора хотя бы немного отстоять свое мнение.

– Да, я упустила тот момент, где мой супруг защищает меня от преступников. Ты не знал, что сделали подопечные твоего нового партнера, но, когда узнал, почему ты ничего не сделал?

– Это была честная ошибка, – отмахнулся он. – Ничего не случилось, Лилия, не нагнетай.

Глядя на него, я никак не могла поверить своим глазам. И, также подавшись вперед, вкрадчиво спросила:

– А если бы случилось, м? Что тогда?

– Ты мужняя жена, тебя защищает закон.

– Закон за меня мстит, – поправила я его, – причем без энтузиазма! Я не хочу продолжать этот разговор, Октавиан. Только утро, а ты уже зол. Я повторюсь, с фабрикой проблемы? Что-то со станками?

Он мрачно посмотрел на меня и коротко бросил:

– Ты понимаешь, с чем именно у меня проблемы этим утром. Ты забыла, видимо, что ты моя жена.

Улыбнувшись, я покачала головой:

– Нет, я просто выполнила твою просьбу и перестала тебя душить. Или теперь тебе необходима моя забота? Так просто признай, что ты был неправ, и все. Ты знаешь, я не мстительна.

Ничего признавать он, разумеется, не стал. Отмахнулся от меня и, встав из-за стола, почти бегом покинул столовую. Я же вернулась на кухню и в компании госпожи Этари принялась проверять кладовые и составлять списки предстоящих закупок.

– Цветочный мед, яблочное суфле, ромашковый чай и смягчающее масло для рук – вычеркнуть, – с сожалением произнесла я.

– Господин любит суфле и мед, боюсь, что он будет расстроен, – осторожно проговорила экономка.

– Эти вещи оплачиваются с моего счета, – я указала на красную галочку, которая отмечала каждое наименование, – так что мне и решать. Да и не ест он их никогда, ты что-то путаешь.

«Тем более что я уже давно не ем ни мед, ни суфле. Вот чай жалко, но ничего, пройдусь по лавкам и куплю ромашку россыпью. А масло… Если повезет, то масло возьму в институте, начертальщикам его выдают в целительском крыле. А если нет, то руки меня будут беспокоить в последнюю очередь!»

– Полотенца, госпожа, – напомнила экономка.

– Вон те светлые для меня и вот эти черные для господина Дортари, – кивнула я, даже не думая проверять махру. – И закажи, пожалуйста, новые простыни.

За следующие два часа я избавилась от всего, что раньше докупала в особняк. В том числе и от живых цветов: настала пора экономить.

«Как же я устала от этой извечной экономии, кто бы только знал!» – взвыла я мысленно. Но, поймав на себе заинтересованный взгляд экономки, лишь улыбнулась:

– Душе хочется чего-то нового, отложу монеты на платья.

В этот момент в кухню вошла Нетта. Сердитая, она, с трудом сдерживая ругательства, передала заказ Октавиана – нарезанное кубиками яблочное суфле с цветочным медом и черный несладкий чай.

«Так вот почему мои запасы так быстро кончались! Он никогда не брал ни кусочка за завтраком, но посылал за сладостями позже? Но почему?» Я сделала вид, что мне совершенно неинтересно.

В какой глупый сюр превратилась моя жизнь за последние пару месяцев!

«Или все и раньше было так? Нет, не могло быть», – помотала я головой.

– Мря?

– Она птичек ловила, – сказал повар, – а потом отпускала. А после опять ловила!

– Она не ест неощипанное, – хмыкнула я, – но охотничьи инстинкты не заглушить.

Закончив с кладовыми, мы с госпожой Этари уселись пить чай. Ее супруг порезал для нас оставшееся суфле, и мы с большим удовольствием его приговорили, оставив немного Нетте и господину Этари.

А через минуту в кухню влетела Нетта:

– Вам письмо, госпожа!

Усадив служанку пить чай, я вскрыла тонкое письмо с гербом родного факультета. Руки предательски дрожали, а на глаза наворачивались слезы. Оказывается, мне было не так уж и все равно!

– Что там? – шепотом спросила Нетта и тут же ойкнула, когда госпожа Этари ее одернула.

– Приглашение на ужин от профессора Дантан, – я мягко улыбнулась, – мы были знакомы.

Нетта тут же поскучнела. Она не имела дара и потому не слишком интересовалась колдовскими науками. А вот взгляд госпожи Этари на секунду стал чуть более цепким.

Вот только меня это ничуть не смутило и не взволновало. Да, пока что я предпочитала скрывать свою возможную работу. Но это была моя прихоть, а не необходимость. Октавиан ничего не мог мне запретить. Этот брак, помимо очевидных минусов, имеет и неоспоримые плюсы. «Бумажная» жена свободна, как никто другой! Если, конечно, сможет отбиться от тех, кто посчитает ее продажной женщиной.

Изначально идея об этом браке была создана ради того, чтобы дать женщинам свободу. Ритуальный брак может быть расторгнут только по желанию мужчины: он отрывает от своей ауры привязку, жертвуя солидный объем магии. Женщина же не может себе этого позволить: потеря такой части сил приведет к угасанию и неминуемой смерти. И дело не в том, что мы слабее наших мужей, нет. Дело в том, что мы много сил отдаем детям. Женский запас магии похож на море, есть приливы и отливы, но если изъять из этой сложной системы огромный кус, то все приходит в полный беспорядок. Следом за разводом наступают преждевременная старость и медленная, мучительная смерть.

– Нетта, когда закончишь, сообщи моему супругу, что ужинать я буду вне дома. А впрочем, не нужно, – я тут же махнула рукой, – впереди обед, сообщу ему сама.

И этого Октавиан мне тоже запретить не мог.

«Неужели я начала видеть плюсы в этом виде брака?» – посмеялась я над самой собой мысленно. И, подмигнув госпоже Этари, вышла во двор.

Там на камнях расположилась Мурри. Подле нее стоял наш сторож и ласково увещевал ее:

– Сдвиньте же свой пушистый зад, госпожа хвостатая. Лежите ж на моей метле. Двор-то чистить надо, а кто это будет делать? Вот пойдет ваша хозяйка и нацепляет грязи на подол. А виноват кто будет?

– Мря? – Мантикошь ловко повернулась на спину и подставила Арко мягкое пузцо.

– Эх, какая вы хитрая, госпожа кошка, – вздохнул старик и осторожно, медленно опустился рядом. – Я вас почешу, а вы мне метлу вернете. А если договор не исполните, то буду звать вас самым плохим словом!

Он погрозил ей узловатым пальцем, и я, видя, что они оба довольны и счастливы, вернулась в дом. Зачем мешать увлеченным людям? Тем более что Арко не стоит мести двор: он слишком стар и слаб. После такой нагрузки его будут мучить боли в суставах.

При этом я знала, что он все равно возьмется за метлу. А потому наметила себе, что после встречи с профессором Дантан нужно будет зайти в аптеку. Денег в обрез, но оставить старика без разогревающей мази я не могла.

Поднявшись к себе, я достала из шкафа свое лучшее платье. Насыщенно-синее, с золоченым пуговицами и таким же пояском. Оно, конечно, вышло из моды. Ну так я и не на светское мероприятие иду.

Разгладив все складки и заломы, я освежила платье простым бытовым заклинанием. Мне, как начертальщику, трудно давались вербальные заклятья. И в первый год супружеской жизни я спалила немало вещей. Однако ж приноровилась и теперь могу составить конкуренцию бытовичкам-второкурсницам! Третий курс, правда, меня заткнет за пояс: они, если не уходят с «урезанным дипломом» после второго, приступают к изучению восстанавливающих ритуалов. Хороший маг-бытовик способен *зарастить*прожжённое пятно на узорном шелке!

«А хороший и умный маг-начертальщик способен заработать на новое платье», – мысленно вздохнула я.

Вновь достав письмо, я уверилась, что все поняла верно и встреча назначена на сегодня, на время ужина.

«Правильно, потому что все преподаватели обязаны присутствовать на обедах», – вспомнила я.

В этот момент небольшие часики, стоявшие на моей прикроватной тумбочке, засветились.

Время обеда.

Бросив последний взгляд на подготовленное платье, я поправила волосы и поспешила в столовую. Вот только Октавиан к обеду не вышел: оказывается, его пригласили на деловую встречу!

– Нетта, все же тебе придется сообщить моему супругу, что меня не будет за ужином, – ровно проговорила я, пока девушка накрывала на стол.

– Да, госпожа.

Спокойно пообедав, я поднялась к себе. Достала эспандеры и принялась неспешно разминать пальцы. Затем, сняв артефакты, вытащила флакон с остатками масла и начала массировать руки. Дождавшись, пока все впитается, я открыла свою шкатулку с косметикой и вытащила неприметный холщовый мешочек. В нем перекатывался десяток фиалов с зельями.

Плеяда Эсми или, как говорят целители, палитра спокойствия. Три ступени, на которых держится мой мир. Десятый флакон пока не пригодился.

Три фиала с сухими смесями я отставила в сторону. Это для вечернего ромашкового чая, исключительно ради того, чтобы сон был спокоен и крепок. Второй тройкой я преступно злоупотребляла в прошлом месяце: на фабрике разом вышли из строя три станка. А виной тому была обычная человеческая глупость!

Но в любом случае у моя остается третья тройка, но для обыденной ситуации зелья слишком сильны… А значит, придется разбавлять. Плеяду Эсми можно вливать в ромашковый чай или просто в подслащённую сахаром воду.

Вызвав Нетту, я приказала ей принести мне чашку с горячей водой и сахар. Служанка обернулась быстро и, посмотрев, как я размешиваю сахар, тихо спросила:

– Это успокоительное? Моя предыдущая госпожа сошла с ума от него.

– Плеяда Эсми опасна, – кивнула я, – если ею злоупотреблять. Но я все делаю с умом.

Нетта покивала и оставила меня наслаждаться цветочным отваром. Удивительно, но у этих зелий был невероятно приятный вкус. Не удивлюсь, если люди злоупотребляли им лишь из-за этого!

Ко времени ужина я была полностью собрана и абсолютно спокойна. Даже немного слишком спокойна – видимо, сказалась лишняя капля успокоительного. Ну ничего, это даже на пользу!

На мою удачу, Октавиан не стал брать карету. А потому на встречу я прибыла точно во время. Кучеру я приказала прибыть за мной через два часа.

«Все-таки нужно было брать тот портальный факультатив, – пронеслось у меня в голове. – Но двести монет при стипендии в десять… Пришлось бы сдавать кровь алхимикам». Тогда я думала, что у меня еще будет время, чтобы вернуться и научиться строить порталы. Да, не каждый маг обладает хоть сколько-нибудь весомым даром в этой сложной области. Но! Но каждый маг способен переместить самого себя.

«Если у мага есть двести монет», – поправила я саму себя.

В памяти не осталось воспоминаний о том, как выглядит профессор Дантан. И потому я доверилась интуиции – вряд ли в это время в ресторации будет много молодых беременных женщин.

Окинув взглядом зал, я тут же заметила молодую рыжеволосую женщину, которая весьма выразительно помахала мне рукой.

«Она меня помнит?!» – оторопела я, понимая, что с тогда еще младшим преподавателем Дантан мы занимались ровно три дня.

В этот момент откуда-то снизу, почти что из-под моей юбки, раздалось:

– Мря!

Уменьшившаяся мантикошь спешила к своей новой знакомой.

– Ты же должна была остаться в особняке, – прошипела я.

Жаль, что Мурри все ее «долги» были абсолютно безразличны. Когда я подошла к столику, мантикошь сидела на стуле и с урчанием вгрызалась в кусочек пряного сыра.

– Профессор Дантан, добрый вечер.

– Госпожа Сольрей, – широко улыбнулась она в ответ. – Удивительно, что вы просто переставили две половины своей фамилии и получили новую! Да притом такую благозвучную.

Нахмурившись, я вначале запротестовала, а после, одумавшись, начала кивать:

– Да-да, это удивительное совпадение!

К столику подошел официант, и мы сделали заказ. Я сразу попросила раздельный счет, после чего взяла среднее по цене блюдо и чашку кофе.

– Итак, буду честной, мне хоть и приятно выйти в люди, но больше всего меня волнует дело, – серьезно проговорила профессор Дантан. – Что у вас за нюанс?

Нервно разгладив салфетку, я постаралась спокойно и почти безразлично сообщить ей, что:

– Я состою в «бумажном» браке.

– Тц, – цокнула профессор Дантан, – после «Дела трех сестер» общественность весьма нервно дышит по этому поводу.

– Именно, – согласилась я. – И, к сожалению, что-либо изменить я пока не в силах.

В этот момент нам принесли еду. Официант быстро сервировал стол, уточнил, не нужно ли нам чего-нибудь еще, после чего удалился.

– Не буду скрывать, – вздохнула профессор Дантан, – что это действительно сложный «нюанс». То, что начиналось прекрасно, превратилось в итоге в какую-то насмешку.

– Зато с правом на образование и работу все получилось, – блекло улыбнулась я.

– У меня нет своего счета, – хмыкнула профессор, – мои деньги перечисляются моему супругу. Другое дело, что он мгновенно их отдает мне, но… У «бумажной» жены свой счет. А от чрезмерно любвеобильных прохожих можно и отбиться.

Она побарабанила пальцами по столу, после чего предложила отдать должное ужину. Согласно кивнув, я подцепила кусочек куриного мяса. Но, увы, вкуса не почувствовала. К

лицу приросла кривоватая полуулыбка и все силы уходили на то, чтобы не начать умолять профессора Дантан.

Сдавшись, я принялась подкармливать Мурри.

– Профессор Рейер очень высокого о вас мнения, – проронила профессор.

– Как и я о нем, – улыбнулась я.

– Почему вы выбрали «бумажный» брак?

Я тяжело вздохнула:

– По глупости. Это была простая, довольно бедная свадьба. Мы просто пришли в магистрат, где и хотели провести ритуал. Как вы знаете, там дежурит жрец. Мать моего супруга подкусывала меня несколько недель подряд, и я… В какой-то момент я отказалась от ритуала и сама потребовала «бумажный» брак, чтобы доказать, что у меня нет желания сесть Октавиану на шею. Чтобы доказать, что я современная, сильная женщина и не нуждаюсь в том, чтобы мужчина меня содержал.

На лице профессора Дантан отразилось искреннее сочувствие.

– Но если он вас любит, то…

– Я говорила о том, что устала от статуса «бумажной» жены, – призналась я. – Он предпочел не понять. Мне бы хотелось, чтобы это осталось между нами, профессор.

– Эллира, – поправила она меня. – Эллира Дантан, если мы будем коллегами, то нам стоит называть друг друга по именам. Я дам вам ответ завтра до полудня, Лилия. Если ректор не выразит сомнений, то никто другой не посмеет высказаться. А со студентами… Со студентами придется справляться самостоятельно. Но в зверинце всегда есть работа, так что самые языкастые отправятся махать лопатой.

Дальше мы перебросились парой слов, после чего я расплатилась, допила кофе и, забрав мантикошь, вышла на улицу.

«Снова ждать, – пронеслось у меня в голове. – Снова».

Почесав мантикошь, я забралась в карету и, любуясь огнями ночной столицы, немного придремала.

Скорей бы завтрашний полдень…

Глава 3

– Птьфи-аптьфи-пфи-пфи!

Подскочив на постели, я с испугом всмотрелась в утренний сумрак и…

– Мурри, что с тобой? – Выбравшись из постели, я подхватила на руки чихающую мантикошь.

Та, вывернувшись из моих объятий, спорхнула на пол и принялась закапывать задними лапами дверь.

– Мы не сможем выйти в окно, милая, – рассмеялась я.

– Мря?

– Это неприлично, да и летать я не умею.

– Мфр.

– Я не сомневаюсь, что ты меня унесешь, но все же предпочту более простой способ передвижения.

Набросив на плечи плотный халат, я открыла дверь.

Коридор был освещен тусклым голубоватым светом магических светильников. Я мимолетно отметила, что пора бы их зарядить, но… Мой взгляд упал на огромную корзину цветов, что стояла прямо передо мной.

Лилии…

Подавившись вдохом, я осела на пол. Привалившись плечом к косяку, бездумно посмотрела на… На *это*.

Мертвенно-бледные, будто восковые лилии пробуждали во мне мрачные, темные воспоминания.

В тот день шел дождь. Фабрика догорала, ядовитый дым стелился по земле, а люди продолжали нести цветы. Белые лилии, чей аромат смешивался с гарью и смрадом сгоревших накопителей.

Ломкие цветы бросали прямо в грязь. Охапками. Вереница людей никак не могла закончиться. Я стояла в луже. Я не имела права плакать. Только улыбаться и благодарить за сочувствие.

Мне было всего восемь лет. Мне было целых восемь лет, и я…

Я живу с воспоминаниями о том дне, как с вечным мрачным спутником. Спутником, который всегда рядом, всегда в двух шагах от меня.

Каждый раз, когда я вижу эти проклятые цветы, я словно возвращаюсь туда. Вновь стою по щиколотку в воде и произношу заученную благодарность за сочувствие и участие. Вновь и вновь смаргиваю слезы и вздрагиваю от каждого тетушкиного щипка.

Тени потери прячутся в каждом уголке моего сознания. Они отравляют каждый мой день, каждый мой вздох. Я столько лет пыталась вырваться из этого замкнутого круга, но воспоминания цепляются за меня, тянут вниз, в стылую воду. В день, когда весь мой мир пропах лилиями, гарью и ядовитым смрадом расколотых магических накопителей.

Вскинув дрожащую руку, я одним заклятьем уничтожила корзину с цветами. Хотела бы я так же распылить свою боль…

– Однажды я смогу научиться жить с этими воспоминаниями, – прошептала я. – Жить, а не просто существовать в их тени.

Поднявшись на дрожащие ноги, я заставила себя пойти в ванную комнату. Прополоскав рот, я скинула одежду и встала под обжигающе горячий душ. Закрыв глаза, просто стояла и впитывала в себя ощущение стекающей по телу воды.

Не представляю, сколько прошло времени, но чай, принесенный Неттой на первый завтрак, остыл и подернулся пленочкой.

– Ты была права, – улыбнулась я Мурри, – когда закапывала этот подарок. Но мы взрослые, сильные девочки и не можем избегать трудностей.

– Мря.

– Октавиан хотел порадовать меня, – неуверенно произнесла я.

– Мфр!

– Он всегда говорит: «Лилии для Лилии», – я предприняла еще одну попытку оправдать мужа, но…

Но за пять лет он мог бы запомнить, что эти клятые лилии причиняют мне почти физическую боль.

– Знаешь, ты снова права.

Я пододвинула Мурри тарелочку с творогом и отошла к окну.

Какова вероятность того, что Октавиан специально прислал мне именно лилии? Какова вероятность того, что он хотел сделать мне больно? Я не должна так думать, но… Последний раз он дарил мне эти цветы полтора года назад. Я рыдала так сильно, что ему пришлось вызвать целителя. Следующие несколько дней мне был показан постельный режим, а Октавиан клялся никогда больше не дарить мне лилий.

– Я никогда не клялась тебе в любви, Октавиан, – тихо проговорила я. – Наш брак был основан на расчете и теплых, дружеских отношениях. Что пошло не так?

Вздохнув, я достала свою драгоценную палитру спокойствия и смешала несколько зелий с остывшим чаем. Мне ни в коем случае нельзя допустить истерики. Нельзя вновь провалиться в прошлое.

– Я сильнее, чем все невзгоды мира, – жестко проговорила я.

На второй завтрак я собиралась как на казнь. Думала, как донести до супруга простую и незатейливую мысль: никаких лилий в нашем доме. Недоволен чем-то? Открой рот и скажи об этом. *Поговори со мной*.

Вот только первое, что я увидела, – это букет лилий, стоящий в центре стола.

– Лилии для Лилии. – На губах Октавиана играла улыбка.

Внутри меня не дрогнула ни единая жилка. Благодаря плеяде Эсми я осталась спокойна.

– Что заставило тебя забыть о моих чувствах к этим цветам? – с интересом спросила я, подходя ближе к столу. – Что за странный, извращенный выбор, Октавиан? Ты с семьей тоже был там, я помню.

Протянув руку, я кончиками пальцевкоснулась упругого цветка. Ласкающим движением пройдясь по белым лепесткам, я смяла бутон в кулаке.

– Что ты делаешь?! – вскинулся Октавиан.

– Ненавижу. Для меня лилии пахнут сырой кладбищенской землей. Гарью пожара и ядовитым смрадом расколотых в пыль магических накопителей. – Один за другим я разминала соцветия в кашу.

– Лилия…

– Надеюсь, ты запомнишь это, – холодно проговорила я и заклятьем уничтожила остатки некогда роскошного букета. – Завтракай без меня, я поем на кухне.

Правда, после такого начала дня я смогла лишь выпить две чашки крепчайшего кофе. И, подхватив третью, выйти в сад.

Когда моя жизнь превратилась в это? Были же в нашем браке и хорошие моменты!

– Брак – это совместная работа двух людей, госпожа, – тихий голос экономки заставил меня вздрогнуть.

– Что? – Обернувшись, я увидела госпожу Этари.

– Минутка непрошеных советов. – Она протянула мне кулек с печеньем. – Присядем под яблоньку?

Вздохнув, я решила не обижать ее и не спорить. Мне и так известно все, что она может сказать. Я уже наслушалась этого от госпожи Дортари. Нужно быть терпеливей, мудрей, на обиду отвечать лаской, на замечание послушанием, и тогда в доме будет тишина и благодать. Вот только…

– Каждое утро меня ждет чашка крепкого, чуть присоленного кофе, – с мечтательной улыбкой произнесла госпожа Этари. – Супруг мой встает раньше, у него много дел, но мой «неправильный» напиток всегда горяч.

Она замолчала, а я… Я просто захрустела печенькой. Слова как будто не требовались.

– По вечерам, перед сном, я массирую ему руки, – продолжила экономка, – он никогда не просит, госпожа. Просто я знаю, что ему больно. Мы уже не молоды, еще немного – и придет пора отправиться в наш дом в предместьях. Маленький, но садом. Будем разводить пчел и высаживать для них ароматные травы.

– Это хорошая мечта, – дрогнувшим голосом ответила я.

– Это не мечта, госпожа. Это план, – уверенно ответила экономка. – Мы вместе работаем для нашего счастливого будущего. Наши дети уже выросли, мы смогли выучить их, и теперь старший сын присылает диковинные специи, а дочь вот-вот подарит первого внука. И знаете, мой муж занимался детьми ничуть не меньше, чем я. Он играл с сыном в драконов-воителей и позволял дочке заплетать себе волосы. Иногда ему приходилось прятать косички под поварским колпаком: у нашей малышки слабый магический дар, и самые ровные ее плетения порой держались по паре дней.

– Зачем вы все это мне говорите? – спросила я и с отвращением заметила, как дрожит мой голос.

Госпожа Этари тяжело вздохнула:

– Прислуга многое видит и многое слышит. Вы бьетесь одна, госпожа. Просто… Просто представьте, что у вас есть ребенок. Каким будет ваша и его жизнь? Мы ведь с вами вместе вычеркнули из списка покупок все приятные мелочи, которые согревали ваше сердце.

– Замолчите, – прошептала я.

– Просто представьте, как вы гуляете с вашим ребенком и он просит леденец на палочке, – безжалостно продолжила экономка.

– Хватит! Хватит, или я…

Подхватившись на ноги, я посмотрела на госпожу Этари.

– Прошу прощения за мою вспышку, но…

– Вы можете меня уволить, госпожа, – спокойно проговорила экономка, – но, когда я вижу вас плачущей в комнате с цветами, у меня сердце обливается кровью.

Поклонившись, госпожа Этари ушла, оставив меня в одиночестве. Опустившись на скамью, я тихо вздохнула и заклятьем подогрела остывший кофе. Думать о словах экономки не хотелось. Не так. Думать вообще не хотелось.

До самого обеда я оставалась в саду. Разминала руки, создавала иллюзии простейших геометрических кругов и любовалась последними цветами. Осень давно вступила в свои права. Еще немного, и зарядят постоянные дожди, на смену которым придут стылые зимние ветра.

За полчаса до обеда я вернулась в свою комнату. Переоделась, умаслила ноющие руки и пощекотала спящую на подушке Мурри.

– Ты надолго у меня задержишься? Неужели не скучаешь по Грегори?

– Мфр, – кошь сонно потянулась, – мряф-ф.

Она и в прошлом старалась проводить с нами одинаковое количество времени, но… неужели мантикошь собирается прожить со мной следующие пять лет?

Прислушавшись к себе, я вдруг поняла, что мне бы этого очень хотелось. Мурри щедро дарила свое тепло, а уж это басовитое мурлыканье по вечерам – давно я не спала так сладко! Ее присутствие отгоняет мои привычные кошмары.

«К хорошему быстро привыкаешь». Я поежилась, представив, каково будет привыкать засыпать в одиночестве.

Спустившись к обеду, я лишь усмехнулась, увидев на столе пышный букет гортензий. Девять из десяти, что это работа Нетты.

– Ты весь день провела в саду, – негромко произнес Октавиан и развернул газету.

– Мне было о чем подумать, – ровно ответила я.

– К каким выводам ты пришла?

Я посмотрела на газетные листы, скрывавшие от меня выражение его лица, и хмыкнула:

– Недостаточно информации.

Нетта накрыла на стол и негромко шепнула:

– Вам письмо из института прикладной магии и магозоологии. Толстое-толстое, едва пролезло в щель в двери вашего кабинета.

– Благодарю, – коротко произнесла я, стараясь унять зашедшееся сердце.

«Нет, вы нам не подходите» – это очень простая и короткая фраза. А вот «толстыми-толстыми» могут быть учебные планы и рекомендации.

Октавиан сложил газету и посмотрел на меня:

– Письмо?

– М-м-м, да, – я постаралась улыбнуться, – хочу разнообразить свою жизнь, да и деньги лишними не будут. Я буду работать в родном институте – это ли не счастье?

– Не посоветовавшись со мной? Фабрика выходит на новый уровень, и твои навыки могут потребоваться, Лилия.

Я отмахнулась:

– Ты был прав, Октавиан. Институт ежегодно выпускает десятки начертальщиков, меня легко заменить. Да и права твоя матушка: не женское это дело – со станками возиться.

На самом деле госпожа Дортари говорила несколько иначе, но… Я не собираюсь разрываться между институтом и фабрикой. Хватит.

– Как знаешь, – бросил он и вновь закрылся газетой, – не забудь только, что ты замужняя женщина.

– Ты считаешь, я способна забыть день нашей свадьбы? – выразительно спросила я.

– Хватит напоминать об этом, – отрезал он. – Не припомню, чтобы ты поддерживала связь с институтом. Это твой дружок тебе работу подбросил? Будешь стойла чистить?

Фыркнув, я покачала головой. Октавиан в своем репертуаре – злится и подкусывает, один в один как его маменька!

– Ты ищешь ссор? Нет, работать я хочу по своей прямой специальности, Октавиан.

– С чего ты взяла, что я дам тебе на это согласие? – Он вновь отложил газету и посмотрел мне в глаза.

Но я лишь покачала головой:

– С того, что мне оно не требуется. И я не спрашиваю тебя, почему ты не отказался от сотрудничества с оборотнями. Они ведь напали на меня, Октавиан!

– Этот разговор бессмысленен, – он раздраженно встал, – приятно оставаться.

Мне бы встать и пойти за ним. Размять ему плечи, поцеловать в макушку и еще раз объяснить, как я рада вновь войти под своды института, но… Кто бы только знал, как я устала от его характера!

– Нетта, собери поднос для господина Дортари, он решил обедать у себя, – приказала я.

После чего я воздала должное грибному крем-супу и рыбному суфле. Письмо никуда не денется, а есть в своем кабинете я не хочу.

Хотя кого я обманываю? Давно мне не приходилось так быстро работать ложкой! Только в доме тетушки, когда нужно было успеть все съесть до того, как она разозлится и прикажет выйти вон.

И, лишь вспомнив об этом, я поняла, отчего так сильно разозлилась на Октавиана в этот раз. Он и раньше делал вид, что ему не нужна моя забота. Что мое вмешательство все портит, что… Что я мешаю. Но в этот раз он приказал мне выйти вон…

– Выйди вон, – повторила я вслух, – ненавижу.

Эта фраза возвращала меня в прошлое. В те стылые дни, когда я жила на иждивении тетушки. Дни, когда я не контролировала ничего. Можно было весь день вести себя как примерный ребенок, покорно перебирать овощи с экономкой, ходить с ней же на рынок и в итоге оказаться лишенной ужина. А можно было весь день прятаться на чердаке и все-таки получить свою тарелку водянистого супа.

Это потом я поняла, что тетушка не выносила моего присутствия. И чем лучше и качественней я пряталась, тем чаще ужинала. Не видя меня весь день, она милостиво терпела мое присутствие за столом.

И по всему выходит, что Октавиан меня едва терпит? Нельзя ведь близкому человеку приказать выйти вон. Даже с собаками люди бережней общаются.

Покачав головой, я взяла письмо и поспешила в свой кабинет.

Признаюсь честно, руки у меня дрожали. Пришлось даже отложить конверт и минуту-другую просто дышать на счет.

Внутри был контракт. На год. Контракт на год!

– Спасибо, – выдохнула я. – Спасибо.

Оказывается, ситуация с потерей заработка волновала меня куда больше, чем я думала. Удивительно, получается, что мои эмоции прятались от меня же!

Бегло прочитав контракт, я приятно поразилась сумме ежемесячного вознаграждения. Это было втрое больше, чем я получала за свои статьи!

– Я могла бы вернуть в список все свои необходимые вещи, – загорелась я было.

И тут же погасла: впереди неизвестность. Масло для рук выдадут в институте, от яблочного суфле и цветочного меда я устала, а остальное… Без остального я тоже переживу.

– Первым делом куплю тебе самую большую и жирную рыбину, – пообещала я сонной Мурри.

Взяв чистый конверт, я заверила магией обе копии контракта и подготовила их к отправке. Сгоняю Нетту до почтового ящика прямо сегодня. Слава магии, передача бумаг от адреса на адрес происходит мгновенно!

Развернув учебные планы, приложенные к контрактам, я кивнула самой себе: память меня не подвела, и руками работать придется много. Ну ничего, с подвижностью суставов у меня все в порядке. Выносливость, правда, утрачена. Но это не страшно, день отработаю, вечер поплачу, за ночь пройдет, и утром все сначала. Примерно так я восстановила станки на бумажной фабрике. Много и трудно работать мне не привыкать.

Не желая сидеть на месте, я еще раз пересмотрела свой гардероб и в очередной раз убедилась, что сделала правильный выбор. Мантикошь все это время только ворчливо вздыхала. Мурри совершенно не понимала человеческого стремления прикрывать тело одеждой. Правда, нам с Грегори удалось объяснить ей, что это из-за отсутствия густой шерсти.

Жаль, что сейчас Мурри больше не может передавать нам свои мыслеобразы: ментокристалл был расколот, и я, если честно, страшно скучаю по ее метким остротам.

К вечеру я в сотый раз проверила подготовленное платье, забраковала несколько вариантов причесок и чуть не потеряла свои серебряные сережки-капельки. Я была настолько взвинчена, что это заметил даже Октавиан. В своей манере, правда:

– Тебе следует уделить больше внимания медитациям, Лилия. Выходящие из-под контроля эмоции не красят женщину.

– Истерики никого не красят, – поправила я его, – мое же волнение имеет иную природу: я переживаю о первом дне в качестве помощника преподавателя.

На это он ничего не ответил, и за столом повисла тишина. Которую, впрочем, разбил Октавиан:

– Я отнес твои зелья в аптеку.

– Что? – Я нахмурилась. – Ты имеешь в виду «искру пустоцвета»?

Он кивнул, отложил в сторону вилку и снисходительно произнес:

– По случайному стечению обстоятельств этот состав не нанес вреда твоему организму. Тебе повезло выбрать именно это зелье…

Терпеть это было выше моих сил, и я перебила его:

– Это «повезло» называется «проконсультировалась с целителем», Октавиан! Я не имею привычки пить абы что в надежде на лучшее!

– Это не имеет принципиального значения, – отмахнулся он. – В любом случае сегодня-завтра закончится остаточный эффект зелья, и я навещу тебя. Мне нужен сын, пора задуматься о продолжении рода.

Сердце пропустило удар. Что он сейчас сказал?!

– Ты плохо меня расслышал в прошлый раз? Я не буду рожать тебе детей, пока наш брак бумажный, – жестко произнесла я, стискивая в пальцах вилку.

– Я не спрашивал тебя, Лилия, – спокойно ответил Октавиан. – Такие серьезные вещи должен решать глава семьи. Здесь нет места обсуждениям. Но насчет брака ты права: вероятно, пора закрепить нашу связь ритуалом.

Он встал из-за стола и покинул столовую. А я… Я осталась сидеть. Полностью опустошенная, осознавшая, что ритуал мною уже не желанен.

Я не хочу быть неразрывно связана с ним!

– Я не хочу быть его женой, – тихо, осторожно проговорила я.

Слова ощущались чуждо, но несли в себе какую-то странную звенящую радость. Я ведь имею право чего-либо не хотеть, верно?

– Но мы обменялись обещаниями. – Я прикусила губу. – В горе и в радости, пока смерть не разлучит нас.

Вернувшись к себе, я бросила на дверь несколько сильных заклятий. Буду решать проблемы по мере их поступления. Для института я счастливая супруга, пусть пока так и будет. В конце концов, прямо сейчас мне идти некуда: общежития только для студентов, к сожалению.

«Должна ли я дать ему еще один шанс? – Я переоделась в ночную рубашку. – Должна ли я попытаться спасти наш брак?»

Раньше я была уверена, что должна. Но сегодня… Сегодня мне хотелось бежать прочь, можно даже босиком и без вещей.

«Он напугал меня, – ахнула я мысленно. – Сегодня он впервые действительно напугал меня! Раньше он иногда меня злил, иногда обижал, но страха не было…»

***

Утром я встала задолго до первого завтрака. Сделала легкую гимнастику, чуть-чуть размяла пальцы и подхватила собранную с вечера сумочку. Там лежали остатки масла с парой капелек обезболивающего зелья, несколько платков и новый ежедневник с перьевой ручкой.

Спустившись вниз, я зашла на кухню, где царил господин Этари. Его супруга в это время сидела на другой стороне стола и смаковала свой любимый кофе.

«Каждое утро меня ждет чашка крепкого, чуть присоленного кофе. Супруг мой встает раньше, у него много дел, но мой «неправильный» напиток всегда горяч», – вспомнила я ее слова.

На душе стало как-то неприятно, как-то тяжело. Неужели я завидую госпоже Этари? Нет-нет, я не такой человек! Ведь не такой же, правда?

– Доброе утро.

– Госпожа, – из кладовой выглянула Нетта, – госпожа, я прошу у вас расчет. Нет, я хочу остаться с вами, быть только вашей служанкой. Я больше не хочу ухаживать за вашим мужем!

«Уже?!» – ахнула я мысленно.

– Что случилось, Нетта? – спросила я. – Октавиан был груб? Если ты допустила ошибку, то…

– Я не допускала ошибку! – выкрикнула девушка, и по ее щекам заструились слезы. – Он велел принести ему яблочное суфле, а на кухне его нет. Он бросил в меня пресс-папье!

Нетта подняла руку, и я увидела, что ее запястье забинтовано.

– Это моя вина. Октавиан последние дни особенно сердит и…

– Ваша? – переспросила Нетта. – Вот уж нет. Господин Дортари большой мальчик и может сам решать, быть ему жестоким мерзавцем или приличным человеком.

Служанка аккуратно сняла с себя передник и спокойно сказала:

– Прошу вас вернуть мне рекомендательные письма и отпустить. Я продаю свой труд, но не свою жизнь и здоровье. Если бы я не прикрыла голову руками…

– Хорошо, – сдалась я. – Пойдем, иначе я опоздаю.

До института мне предстояло дойти своими ногами: сегодня экипаж понадобится Октавиану. Из-за Нетты я рисковала не успеть, но…

– Возьми, – я протянула ей письма, – а это мое. К сожалению, люди не задерживаются у нас, и нет в том их вины. Это письмо я написала сразу, как увидела, насколько ты ответственна.

– Спасибо. Я… Простите меня, – она всхлипнула, – вы очень хорошая, но я не могу его терпеть!

– Больше и не нужно, – улыбнулась я. – Удачи тебе на новом месте.

Жалованье слугам выдавала я, так что для Нетты у меня нашлись и монеты. После чего я, едва не забыв свою сумку, поспешила к выходу.

«Если буду идти быстро, то опоздаю совсем ненамного».

– Мурри! Куда ты, – ахнула я, когда мантикошь, задрав хвост, устремилась на улицу.

– Доброе утро!

За воротами меня ждал Грегори. С широкой улыбкой он почесывал по спинке довольно урчащую мантикошь и посмеивался над ее ворчливым мяуканием.

– Доброе, – я нахмурилась, – ты с ума сошел? Ладно я опаздываю, но ты!

– Никто не опаздывает, я жду дилижанс. – Он улыбнулся. – Профессорское общежитие разрушено, работы по его восстановлению затянулись, но зато у нас есть возможность легко и просто добраться до работы. Кучер запомнит, откуда тебя забирать и куда возвращать.

– Как ты понял, что я опоздаю?

Грегори рассмеялся:

– Я на это не рассчитывал, думал, поймаю тебя рано утром и постоим вместе подождем дилижанс!

– Ты все это время ждал здесь?! Почему ты не зашел?

Рейер дернул плечом и неохотно буркнул:

– Не подумал. О, а вот и дилижанс!

Вот только, обернувшись, я увидела Нетту, выходящую из ворот с чемоданом. А уже после массивную тень, ведомую лошадьми.

– Ты дала расчет прислуге?

– Она попросила меня об этом, – вздохнула я. – Ого, такой высокий, как в него залезать?

В этот же момент кучер соскочил на землю, открыл дверцу, и из-под днища дилижанса выдвинулись две ступеньки.

– Доброе утро, моя дорогая помощница, – поприветствовала меня профессор Дантан, едва лишь я оказалась внутри. – Идите же скорей сюда! Ректор был весьма доволен вашей кандидатурой, насколько мне известно, он сразу выслал вам контракт.

– Доброе утро, – я склонила голову, приветствуя сразу всех профессоров.

Проходя мимо сидящих людей, я старалась не наступать на ноги. Следом за мной шел Грегори, который успевал не только страховать меня, но и общаться с коллегами. Правда, в отличие от остальных, Рейер не сетовал на твердолобость студентов.

– Вам легко говорить, коллега, за вами бегают красивые оборотницы, а за нами – унылые малолетние мажата, – проворчала одна из профессоров, – и все ради допуска к зачетам!

– Я никого еще не отстранял от зачетов, – возразил Грегори и помог мне сесть, – второй месяц осени, побойтесь богов!

Мурри переползла ко мне на колени и басовито замурлыкала. В дилижансе повисла тишина, и я, поймав на себе чужие взгляды, осторожно наклонилась к профессору Дантан:

– Со мной что-то не так?

– Госпожа Мурри никому не позволяет себя гладить, – шепнула та в ответ, – уже многие студенты и студентки обзавелись памятными шрамами.

– А, – я тихо рассмеялась, – да, она вредина та еще. Мы с Грегори тоже страдали от ее характера.

По дороге до института я рассказала госпоже Дантан историю нашего знакомства с Грегори и то, как мы прятали от преподавателей существо особого класса опасности. И как искали для нее менто-кристалл.

– Только благодаря ему удалось отстоять ее жизнь, когда нас все-таки поймали, – вздохнула я. – Хотя на Мурри все равно лежит проклятье, которое может активировать любой городской страж.

Мы прибыли в институт, и я с удивлением увидела стайку студенток, что щебетала о чем-то своем.

– Ваши прямые конкурентки, госпожа Сольрей, – ехидно проговорила одна из профессоров.

– Что? – Я недоуменно нахмурилась. – Кто-то из девушек хотел стать помощником профессора Дантан?

– О нет, – хохотнула ехидная старуха, – не помощником и не профессора Дантан.

Так ничего и не прояснив, она ловко выпрыгнула из дилижанса и взмахом ладони призвала себе в ладонь клюку.

– Это профессор Лай, она преподает основы боевой магии, – шепнула Эллира Дантан. – Ее наняли три года назад, и это истинный кошмар. Студенты от нее в ужасе, да и мы, если честно, тоже.

Грегори помог мне сойти на землю и тут же, виновато улыбнувшись, протянул руку Эллире.

– Ай, да я и сама могу, – возмутилась профессор. – Я не больна, Грегори!

– А я и не зелье тебе сую, – фыркнул он.

В этот момент кто-то врезался в мое плечо. Да так сильно, что я едва не отлетела в сторону!

– Извините, – буркнула девица и тут же демонстративно принюхалась ко мне.

Оборотница. Неужели проблемы начнутся до занятий?

Удивительно, но она быстро потеряла ко мне интерес, ведь больше всего на свете ее занимал Грегори.

– Профессор Рейер, а у нас сегодня будет выход в поле? Папа прислал мне мантию, о которой вы говорили! Что она скрывает запах и…

– Студентка Арсковец, зачем вам мантия следопыта? – устало спросил Грегори. – Вы явно не будете самостоятельно выслеживать зверей.

– Тогда я могу подарить ее вам, – выпалила девица.

– Не можете, – отрезал Грегори, – свои мантии я раскраиваю сам, а зачарованием занимается моя близкая подруга. И ваша преподавательница по практической начертательной магии. Перед которой вам стоит извиниться за толчок. Или вы случайно потеряли координацию?

Арсковиц вспыхнула:

– Я что, щенок, чтобы в лапах путаться?!

– Значит, вы специально меня толкнули? – с интересом спросила я, не желая стоять в стороне.

– Тц, просто подумала, что вы случайный гость. Обратитесь к моему отцу, он выплатит виру за обиду, – отмахнулась девица.

– Чудно, – хлопнул в ладоши Грегори, – вот кто сегодня будет помогать Валлерману чистить загон у семиногов. Дух Академии, засчитай студентке Аманде Арсковиц три исправительных часа в Зверинце.

– Повинуюсь, – прошелестел безликий голос. – Рад вновь приветствовать вас, Лилия Сольрей.

– Рада вновь быть рядом, Дух Академии, – с теплом произнесла я.

Грегори взял мою довольно увесистую сумку и потянул меня вперед:

– Пойдем, покажу тебе все. Эллира сейчас в больничное крыло, затем сразу на занятия.

Спину прожигал чей-то ненавидящий взгляд. И, даже не оборачиваясь, я точно знала, кто именно так истово желает мне смерти.

– Ты говорил, что любишь лучшую девушку этой страны, – тихо сказала я. – У меня в шкафу пылится подарок вам на свадьбу.

– Не уверен, что у тебя получится его вручить, – задумчиво проговорил Рейер.

– Почему? – удивилась я. – Мне казалось, что ты собирался сделать ей предложение сразу после выпуска.

– Не успел, – он криво улыбнулся, – потом не мог. Сейчас верю в лучшее, Лил.

– Я могу помочь?

И лишь когда с моих губ сорвались эти слова, я вдруг поняла, что… Что ничего не изменилось. Что я не смогу быть свидетелем чести на их ритуале единения – мои чувства сметут напрочь все колдовство жреца! Ведь в круг свидетелей допускаются лишь те, кто искренне и от души желает молодоженам долгих лет брака. Я же… Я желала Грегори счастья, но какого-то очень абстрактного. Очень одинокого.

«Я по-прежнему чудовище, – тоскливо подумала я. – Ничего не изменилось».

– Ты грустнеешь на глазах, – Грегори осторожно коснулся моего локтя, – что случилось? Арсковиц последовательно доставляет проблемы всем преподавателям. Очень похожа на Лауру, если ты ее еще помнишь.

Я фыркнула:

– Ее не забыть. Только вот закончила она нехорошо: перегнула палку и была отчислена.

– Арсковиц балансирует на грани. Ее семья занимается восстановлением профессорского общежития, так что девушка считает свое положение чуть более прочным, чем следовало бы. А, нет-нет, в другую сторону! Кабинет начертательной магии был перенесен в Северную Башню.

– Почему? – удивилась я, послушно сворачивая за Рейером.

– Интриги, – Грегори закатил глаза, – ты даже не представляешь, как грызутся наши с тобой коллеги за более светлые кабинеты, за кафедру из особых пород дерева, за… Да за все, в общем-то. Эллира, как и я, в этом всем не участвовала, вот и оказалась в башне.

– Тебя тоже потеснили?

– А куда теснить Звериец? – хмыкнул он. – Тем более, если моих питомцев не кормить, они выйдут из вольеров и сами найдут себе лакомство. И кто знает, кто пойдет им на прокорм.

Грегори открыл передо мной дверь, и я, перешагнув порог, тихо ахнула. Кабинет начертательной магии поражал мое воображение. Десятки досок с уже начертанными на них колдовскими знаками, плакаты с основными и вспомогательными схемами, удобные парты и огромная черная доска, на фоне которой будет хорошо видно все схемы-примеры!

– Никогда не понимал, как ты колдуешь, – тихо сказал Грегори.

А я, подхватив доску, повернула ее к нему.

– Это одна из основных фигур, задающая направления потоку магии. Все эти фигуры делятся на два типа: созидание и разрушение. На эту многослойную закольцованную спираль мы навешиваем вспомогательную фигуру и получаем на выходе поток теплого воздуха, которым можно согреть помещение. Или сжечь его.

– Но это нереально нарисовать пальцами, Лил.

– Пальцы, – я принялась выписывать привычные фигуры, – задают направление. Но чертеж я держу в голове. Силой мысли я придаю своей магии нужную мне форму.

– Я никогда не спрашивал тебя, – он потер затылок, – почему ты выбрала именно этот факультет.

– Потому что у меня не было денег на обучение, – я пожала плечами, – и было много силы. Плюс моя уникальная чуйка.

– С которой ты могла бы найти общий язык с любым зверем, – подхватил Грегори, – это ведь ты приручила Мурри.

– Мряф?!

– Это Мурри приручила нас, – я укоризненно посмотрела на Рейера, – воспитала из нас приличных кошколюдей, да, госпожа?

– Мря, – согласно ответила кошь и спрыгнула с моих рук на пол.

Лапами она оттолкнулась от меня так сильно, что меня отбросило в руки Грегори. И на долгий десяток секунд мы замерли, глядя друг другу в глаза.

– Извини, – сбивчиво произнесла я. – Мурри расшалилась.

– Ничего, – он не спешил убирать руки с моей талии, – тебя я готов ловить когда угодно и где угодно.

Наверное, могло случиться что-то непоправимое, но именно в этот момент в аудиторию вошла госпожа Дантан.

– Ох, из меня крови опять столько нацедили, – шумно пожаловалась она. – Ура, мне починили кресло! Лилия, у нас сегодня будут основные связки первой и второй подгрупп.

– Да, – я отстранилась от Грегори, – я помню. Это плавно подведет к теме отладки простейших механизмов и артефактов десятого класса.

– Как приятно вас слышать, – вздохнула Эллира, – люди, как правило, совершенно не желают разбираться в начертательной магии. А зря! Наши заклятья порой сильнее всех иных, недаром же профессорское общежитие разнесло по кирпичику! Кстати, после этого к нам на ознакомительный курс записались все студенты.

– Хотят повторить подвиг? – заинтересовалась я.

– Или не допустить его повторения в своих домах, – кивнула Эллира. – Девочка-стажер хотела подогреть воду в трубах, ей показалось, что в комнате слишком холодно. И раз! Вся вода в системе превратилась в раскаленный пар.

– Ох, – я вздрогнула, – много было пострадавших?

– Больше всех ошпарило саму стажерку, – вздохнула Эллира. – Она сейчас в городском доме исцеления. Говорят, на нее хотят повесить оплату восстановительных работ. Это… Довольно справедливо, разве нет?

– Дамы, с вами безумно интересно, – Грегори широко улыбнулся, – но у меня через несколько минут урок.

– Будь аккуратен, – Эллира тяжело вздохнула, – старшекурсницы начали делать на тебя ставки.

– Это не страшно, сегодня на обеде я познакомлю вас с моим страшненьким другом, который примет на себя удар девичьего интереса, – подмигнул Рейер.

– Страшненьким другом? – Эллира недоуменно посмотрела на закрывшуюся дверь. – Мне казалось, что Грег с Ланстером не ладят.

Тут я не удержалась от смеха. Завхоза и правда можно было назвать «страшненьким другом», но как бы он принял на себя удар? Метлой бы девиц разгонял?!

Прозвенел первый звонок. Где бы ни находились студенты, сейчас они должны все бросить и поспешить к аудитории. Потому что через пять минут прозвенит второй звонок, а еще через минуту третий. И все, после третьего звонка студент будет считаться прогульщиком. За исполнением этого правила пристально следит Дух Академии.

Аудитория начала наполняться студентами первого курса. Я, подняв руки, начала демонстративно разминать пальцы. То, что должно стать частью жизненной рутины любого маганачертальщика. И подростки один за другим начали повторять за мной.

Второй звонок, и трое последних запыхавшихся ребят влетают в аудиторию.

Третий звонок, и Эллира поднимается на ноги.

– Позвольте представить вам младшего преподавателя Лилию Сольрей, обращаться к ней вы можете «госпожа преподаватель» или «преподаватель Сольрей». Открывайте тетради и записывайте название лекции…

Первый урок прошел гладко. Ошеломленные резко изменившейся жизнью, первокурсники едва успевали записывать и запоминать, им было не до нового преподавателя.

Так же гладко прошел сдвоенный урок у первокурсников магозоологии и факультета зельеварения.

«Неужели я буду вспоминать первый рабочий день с теплом и улыбкой?» – подумала я.

И тут же поняла, что сглазила: пятый курс, вошедший в аудиторию, принес с собой и Арсковиц.

На мое счастье, оборотница была не слишком-то искушена в интригах. Кажется, она любимая дочь в семье и обычная грызня стаи ее не касается. Иначе после знакомства с новым членом коллектива наставников девушка бы не стала демонстративно морщить нос:

– Кажется, чем-то попахивает. Преподава-атель Сольрей, у вас нет предположений?

– Есть, студентка Арсковиц, – я мягко улыбнулась, – у вас, кажется, назначена отработка в Зверинце.

– Я туда еще не ходила! – вспыхнула девица.

– Тогда у меня нет предположений, – развела я руками. – Прошу всех садиться на свои места, не заставляйте профессора Дантан нервничать.

Занятие шло тяжело. Арсковиц вместе с подругами откровенно саботировали урок. Сложив руки на груди, они «ели» глазами Эллиру Дантан и ловили каждое ее слово. Когда же приходил черед практики, они демонстративно отворачивались от меня.

На столе вспыхнула надпись:

«Ты тоже можешь назначать наказания. ЭД».

И следом:

«Используй синее перо, чтобы ответить. Ставь инициалы в конце. ЭД».

Эллира начала очередной виток пояснений, а я вытянула перо и написала:

«Зачем? Просто дай им практическое задание и устрой рейтинг. Кто будет на вершине, тот получит одноразовый пропуск в закрытую секцию библиотеки. В раздел с книгами по начерталке. ЛС».

«Уверена? Не натворят делов? ЭД».

«Пятый курс. Уже через три месяца они получат постоянный пропуск туда – диплом. ЛС».

«Беременность смягчила мой мозг и ожесточила нрав. ЭД».

– Что ж, теперь прошу внимания. – Эллира поднялась на ноги. – Девочки, вы пока еще студентки, так что вас это тоже касается.

Арсковиц бросила на меня ехидный взгляд и тут же состроила невинное личико:

– Я сделала что-то не так, профессор Дантан?

– Вы упустили практику, Арсковиц, – мягко улыбнулась Эллира, – но это ваше право, никто силой вас учить не будет. Итак, господа пятикурсники, как вы знаете, через три месяца закрытая часть библиотеки распахнет перед вами свои двери. Не перед всеми, конечно. Но!

В аудитории поднялся счастливый гомон. И я невольно вспомнила о том, как сама была невероятно счастлива получить вожделенный пропуск. На самом деле там не было каких-то совсем уж особенных книг. Но если студент зарабатывал пропуск, то об этом имелась пометка в его дипломе, что весьма и весьма помогало при трудоустройстве.

– Но? – в едином порыве выдохнули все пятикурсники.

– Сейчас я люблю мир чуть больше, – Эллира мимолетно коснулась своего живота ладонью, – и у вас будет шанс войти в библиотеку раньше прочих. Я объявляю малый турнир практической начертательной магии.

Она взмахнула рукой, и в воздухе завис список студентов.

– Все ваши практические работы будут оцениваться лично мной, – продолжила профессор Дантан, – а баллы будут помещаться вот сюда. Пересдать заваленную практику ради оценки – можно, ради баллов – нельзя. Лишь лучший из лучших войдет в закрытую часть академии раньше прочих пятикурсников. И да, этот турнир будет предложен всем пятикурсникам, даже если они не относятся к нашему факультету!

В этот момент прозвенел первый звонок, обещавший студентам скорый перерыв.

– На следующем нашем занятии мы проведем быстрый практикум, – задорно улыбнулась профессор Дантан, – оценка в журнал, баллы – в список. Посмотрим, чье имя останется наверху!

Второй звонок, и профессор Дантан взмахнула рукой, отпуская студентов до третьего сигнала.

– Идите, а то от вашего гомона у меня голова болит!

Обернувшись, я проследила взглядом за Арсковиц, которая судорожно что-то втолковывала своим подружкам-подельницам. Почувствовав мой взгляд, оборотница вскинула голову и оскалилась. Что ж, она догадалась, «откуда ветер дует».

«Милый ребенок, эта работа необходима мне как воздух. Такая избалованная девочка просто не сможет меня отсюда выжить», – мысленно проговорила я.

Но при этом глупо было не признавать, что юная поклонница Грегори попьет моей кровушки.

– Контракт в любом случае нерасторжим, – утешила меня Эллира, понявшая, о чем я думаю. – Идем, мы обязаны присутствовать на обеде в общем зале.

Шли мы неспешно. Точнее, мне все время приходилось немного придерживать Эллиру, которая стремилась умчаться вперед.

– Прости, – виновато улыбнулась она, – никак не могу привыкнуть к тому, как изменилось мое тело.

Я посмотрела на ее круглый животик и грустно улыбнулась. Когда-то это было моей мечтой. Выйти замуж за любимого человека, родить детей, восстановить фабрику…

– Там кто-то скандалит? – удивилась Эллира. – Ты слышишь? Пойдем скорей!

В этот раз поймать ее за полу мантии я не успела, и торопыга умчалась вперед. Мне оставалось лишь вздохнуть и последовать за ней.

– Вы не посмеете посадить за стол это чудовище!

Чуть запнувшись, я сбавила скорость. Что, если это они обо мне?

«Нет, глупости, какое я чудовище?»

Но настроение стремительно покатилось вниз. Выходка студентки Арсковиц все-таки задела меня. На моей памяти не было сокурсников, способных так откровенно саботировать занятие. Да, мы тоже творили всякие глупости, одна мантикошь чего стоит! Но мы не смели игнорировать даже самую неприятную профессоршу!

Кстати, это именно Гирзема сейчас разоряется на тему чудовищ.

– Это мой друг, мой товарищ, мой брат, – патетично воскликнул Грегори, – если вы не пустите его за стол, то я свою тарелку на пол переставлю!

Хмыкнув, я вышла из-за угла и увидела…

– Потрясающе.

Мой возглас привлек внимание, и Грегори, ухмыльнувшись, чуть поклонился и представил мне паука:

– Перед тобой Мальрес Одиннадцатый, единственный выживший паучок из кладки островных тараннитов!

Тараннит, величественно расположившийся на плече Грегори, приветственно щелкнул жвалами. Мальресу явно не хватало места, а потому он частично свисал с плеча Рейера. Несколько его волосатых лап запутались в прическе моего друга, и от этого мне стало как-то особенно смешно.

– Этот паук явно с характером, – проронила я, не имя возможности отвести взгляд. – Таранниты питаются чем-то особенным?

– О, у меня с собой «куколка», – ухмыльнулся Грегори. – Показать?

– Так, значит, вы двое будете сидеть с краю стола, – тут же отмерла Гирзема. – Ты, вредная девчонка, будешь прослойкой между безумцем и нормальными людьми!

– Я тоже вас помню, профессор Гирзема, – пропела я.

Эллира, с любопытством рассматривавшая тараннита, тут же виновато добавила:

– Прости, Лилия, но я с тобой рядом не сяду. Мне как-то не по себе от вида господина Мальруса Одиннадцатого. – А затем она добавила свистящим шепотом: – Я помню его мать! Она была размером со среднюю лошадь.

– Островные таранниты – великаны в паучьем мире, – согласилась я. – Зато из их паутины добывают нити, которые затем идут в дома врачевания.

– Предпочитаю видеть нити отдельно от, мгм, нитеделателей, – хмыкнула Гирзема. – Соберитесь и войдите в зал так, как и положено профессорам: спокойно, грациозно и без спешки.

Двери распахнулись, и профессора начали проходить в обеденный зал. Наши столы располагались на небольшом возвышении. Это позволяло увидеть все, что происходило внизу. Ну и, конечно же, несколько давило на студентов. Как сейчас помню, мне всегда казалось, что профессора все как один смотрят на меня. Особенно сильно это мешало, когда я пыталась стащить пару сосисок для Мурри. Удивительно, что меня никто не заметил!

– Отсюда прекрасный вид, – проворковала Гирзема, – теперь вы понимаете, что ваши потуги незаметно стащить еду были для нас очевидны?

– Но почему тогда…

– Мы же не знали, что вы выкармливаете существо особого класса опасности, – она пожала плечами, – думали, что вы просто берете перекус на вечер. У сирот редко когда есть монеты, чтобы что-то купить в лавке.

– Спасибо, – сдавленно проговорила я.

– Да уж не за что, – фыркнула Гирзема, – уж теперь-то вам аукнутся все ваши шалости. Добро пожаловать на другую сторону баррикады!

Я лишь склонила голову и поспешила сесть рядом с Грегори. Он, к слову, уже пересадил паука на стол и теперь раскладывал перед ним разнообразных «куколок».

– Твой метод защиты от навязчивых поклонниц поражает своей оригинальностью, – произнесла я, очарованная этим мрачным спектаклем, разворачивающимся на глазах у студентов.

– Я же не могу вечно притворяться идиотом, – пожал плечами Грегори. – К тому же сейчас я смешиваю приятное с полезным: Мальрус слаб, не уверен, что без моей помощи он доживет до зимы.

– Но почему?

– Не тот климат, не та еда, – развел руками Грегори. – Сама понимаешь, где теплые острова и где наша столица, где зимой река промерзает до дна, а лето, осень и весна не слишком-то друг от друга отличаются!

Кивнув, я положила себе на тарелку несколько ложек отварных овощей и полила все это мясной подливкой.

Окинув взглядом зал, я отметила, что из-за стола преподавателей открывается действительно чудесный вид. Вот столы третьего курса, парни едят быстро, а девчонки в это время листают журналы.

– У тебя красивая улыбка.

Вздрогнув, я посмотрела на Грегори:

– Что?

– Красивая улыбка, – он склонил голову набок, – ты так смотришь в зал… Вспоминаешь нас?

– Я никогда не забывала, – серьезно ответила я. – Твои письма…

«Держали меня на плаву», – хотела сказать я, но вовремя замолчала. А Грегори… Грегори всегда чувствовал, что лучше не давить.

– А вот и смена блюд, смотри, они успели добавить твой мед. – Рейер кивнул на широкие подносы, сменившие вместительные горшки с овощами и подливой.

– Мой мед?

– Каждый из профессоров вносит в меню что-то свое. Оно появляется не каждый день, но иногда повара нас радуют, – он кивнул на вазочку с печеньем, – сегодня и мне свезло.

После обеда мы с Эллирой продолжили вести занятия. И тогда же были вынуждены доработать нашу соревновательную идею: мы же не назначили крайний срок!

– Три практических занятия дадут нам понять, кто истинный лидер в начертательной магии, – уверенно произнесла Эллира, – главное, что за обедом я поговорила с ректором. Он не против допустить одного студента в закрытую секцию библиотеки. Если это будет начертальщик, то он сможет начать готовиться к годовым экзаменам и присматривать нужные для написания работы книги; если студент другого факультета, то его проведут в ту часть, которая соответствует его диплому.

– Неужели темы уже розданы? – поразилась я.

– Нововведение, – кивнула Эллира, – в начале первой учебной недели пятикурсники получают темы дипломных работ и перечень вопросов Большого Экзаменационного Теста.

– Удобно.

– Да, только нам пришлось попотеть этим летом, – вздохнула Эллира. – Ох. Нет-нет, все хорошо. Просто малыш толкается. Я присяду.

Перерыв закончился, и в аудиторию гурьбой ввалились студенты. Они знали про турнир и спрашивали, будет ли такое и в следующем году.

– Нам бы очень хотелось, – они молитвенно заглядывали в глаза и мне, и Эллире.

– Посмотрим, будет ли эффект от этого турнира, – серьезно сказала профессор Дантан. – Пока что вы, господа, мало интересуетесь начертательной магией!

– Мы? Да вы что! Мы спим и видим начерталку, – выпалил один из парней.

Это занятие прошло так же хорошо, как и предыдущие. В целом студенты приняли меня вполне радушно. Они давно знали, что у Эллиры будет помощница, и в целом мало мною интересовались. Что, если честно, очень сильно меня радовало.

После, уже в дилижансе, Эллира вытянула ноги и со вздохом произнесла:

– Видят боги, сегодня я вернусь домой как человек, а не как выжатая тряпочка. Грегори, спасибо, что нашел для меня это сокровище!

Я зарделась. И пусть руки ныли так, что на глаза наворачивались слезы, я все равно была счастлива. Жизнь казалась удивительно прекрасной и…

«Может, это моя белая волна? Ведь жизнь – это песок, на который накатывают поочередно белые и черные волны», – подумала я.

А после, когда дилижанс остановился у дверей особняка Дортари, я подхватила Мурри под пузико и поспешила домой.

Кажется, я успела прямо к ужину.

Царившая в доме тишина немного напрягала. После дня в шумном и ярком институте особняк показался слишком мрачным и тесным. Как будто в нем не хватало воздуха, что, разумеется, невозможно: я лично зачаровывала воздуховод. А после еще и настроила систему фильтров, чтобы запах с кухни не шел в жилые помещения.

Освежившись и переодевшись в домашнее платье, я спустилась вниз, к столу. К этому моменту госпожа Этари его уже накрыла.

– Ты знала, что Нетта ушла? – Октавиан отложил вечернюю газету.

Сев за стол и расправив на коленях салфетку, я кивнула:

– Да, утром дала ей расчет.

– За что? За пару дней? Ты совершенно не умеешь считать деньги, – фыркнул он. – Разберись с этим.

Положив себе жаркое, я с интересом спросила:

– С чем? С неумением считать деньги? Так мне кажется, что у меня неплохо получается.

– С отсутствием служанки, – раздраженно проговорил Октавиан.

Я с трудом успела подавить недовольную гримаску. Эта задача «съест» мои силы и…

– Нет, – четко проговорила я, – этим придется заняться тебе. Это твой дом, Октавиан. Думаю, служанки у нас не держатся именно потому, что их выбираю я.

– Мря! – раздалось из-под стола.

– Животному не место в столовой, – отрезал мой супруг.

– У нее есть разум, – вздохнула я, но все же склонилась и шепнула мантикоши, что на кухне ее ждет вкусняшка. – И все же, Октавиан, вернемся к вопросу служанки. В этот раз я ничем не смогу тебе помочь. У меня контракт на год, и, как видишь, я появляюсь дома лишь к ужину.

– Из-за чего у меня появляется ощущение, что я вновь холост, – пошутил он. – Ты не поухаживаешь за мной?

В такой формулировке мне было трудно ему отказать, и потому, убрав салфетку, я встала и подошла к его стороне стола. Налила ему суп, пододвинула хлеб и перечницу, после чего показала покрасневшие и опухшие руки.

– Боюсь, что сегодняшний день очень плохо на мне сказался. Давно мне не приходилось столько колдовать.

– Прими зелье, – он пожал плечами, – думаю, у тебя их много.

Закончив с блюдом, я посмотрела на потрясающую мясную запеканку и вдруг ощутила искреннее отвращение к самой идее о том, что я должна встать и поухаживать за своим мужем.

– Боюсь, что я сыта, – промокнув губы, я встала из-за стола, – хорошего вечера, супруг мой.

– Тебе не интересно, как прошла встреча на фабрике? – Он удивленно откинулся на спинку стула.

И в этот момент я с удивлением осознала, что мне действительно не интересно!

– Это твое детище, Октавиан, уверена, что все прошло идеально, – ровно проговорила я. – Мой первый день в институте тоже был весьма хорош.

– Блажь это, Лилия, – хмыкнул он.

– Это способ заработать деньги, – усмехнулась я.

Октавиан раздраженно встал и махнул рукой на стол:

– Ты недоедаешь? У тебя есть пища, есть постель, есть сад и слуги, чего тебе не хватает? Новых платьев? Что ж, извини, фабрика приносит не настолько великий доход, чтобы ты могла ходить в шелках и парче.

– А я просила у тебя что-то? – вспыхнула я. – Может, тащила тебя в ювелирный салон? Или к кружевницам? Или, нет-нет, вела по лавкам, где продают южные фрукты? Ой, нет, это была твоя сестрица.

Он ударил рукой по столу:

– Хватит! Тебе, сироте, не понять, насколько важна семья.

Отшатнувшись, я с ужасом на него посмотрела:

– Что?

– Я не буду извиняться за правду. – Он потер переносицу. – Лилия, ты и сама со мной согласишься, если немого подумаешь. В нежном возрасте ты потеряла семью, и эта страшная трагедия навсегда оставила на тебе свой отпечаток. Затем ты попала к своей тетушке, которая была жестока с тобой. Ты… Ты просто не способна ценить семейные узы, пойми это. И кстати, то, что происходит сейчас, доказывает мои слова.

– Да? – слабым голосом переспросила я.

– Да, – он шагнул чуть ближе ко мне, – ты бросаешь меня, своего мужа, и идешь заниматься совершеннейшей ерундой. Пусть работают те, кому есть нечего, а у тебя, право слово, все есть. Даже сладости в избытке, разве нет? Зефир и пастила едва ли не портятся в кладовых.

– Я не ем зефир и пастилу, – прошептала я.

– Зря, – припечатал Октавиан и обнял меня. – Не беспокойся, я не злюсь на тебя. Ты натворила глупостей с этим годовым контрактом, но ничего, ничего. Его можно расторгнуть, если я не ошибаюсь.

– Обстоятельства непреодолимой силы…

– Беременность – чем не обстоятельство?

Отстранившись от него, я напомнила:

– Меня потому и наняли, что профессор Дантан ждет ребенка и не может проводить практические работы. Октавиан я устала и иду спать, жаркое стынет.

Круто развернувшись, я поспешила наверх. Переход от Октавиана-обвиняющего к Октавиану-ласковому был привычен, но в этот раз мое сердце не растаяло.

Когда-то давно он мне нравился. Не было той запретной любви, но была искренняя симпатия, и я была уверена, что на таком фундаменте мы построим крепкие отношения. Ведь он сам говорил, что любовь – чушь и выдумка и что самое главное в семье – это уважение.

– Вот только работает это почему-то лишь в одну сторону.

Впустив в спальню мантикошь, я переоделась в ночную рубашку и села к туалетному столику. Достала из сумки флакон с остатками масла и вытряхнула на ладонь эти жалкие капли. Да уж, эта ночь будет сложной.

Но, вопреки своим опасениям, уснула я как младенец. Быть может, сказалась усталость, а может, и басовитое урчание Мурри. В любом случае я едва не проспала на работу!

Глава 4

За несколько недель мой ритм жизни немного выправился. Профессор Дантан немного успокоилась и стала доверять мне чуть больше. Несколько раз даже довелось в одиночку вести занятия у первокурсников. Было страшно, но после, вдыхая аромат жасминового чая, я почувствовала себя совсем другим человеком.

– Я была в целительском крыле, и госпожа Мирита передала тебе масло для рук. – В учительскую вошла Эллира. – Вот только оно синее, а значит, в нем высок процент обезболивающего и противовоспалительного раствора. Ты не говорила, что у тебя такие проблемы с руками.

Отставив чашку, я лишь бледно улыбнулась:

– Не хотела тебя беспокоить. Мои тренировки последние годы были однообразны, а ты знаешь, к чему это приводит.

– Знаю. – Эллира подозрительно на меня посмотрела. – Ты видела, как студентка Арсковиц рвется вперед? Даже про пакости свои забыла!

– Она не только ко мне цеплялась? – поразилась я.

– Ее внимания не избежала даже я, – вздохнула Эллира и села за стол. – Лил, прости, можно тебя попросить налить мне чаю? Мне иногда кажется, что госпоже Мирите нужна кровь беременной магички для какого-то ритуала, иначе зачем она ее из меня столько выкачивает?!

Покачав головой, я улыбнулась и легко поднялась из-за стола. За прошедшие недели учительская стала для меня родной. Немного тесная, она вмещала в себя всех профессоров университета. У каждого были свой небольшой письменный стол и стул, а я даже смогла выкроить место на несколько растений – перенесла их из дома. Подойдя к общей зоне, я взмахом руки заставила чайник раскалиться и через несколько секунд услышала шум закипающей воды. Заварку и сладости на полки выкладывал завхоз, и было не принято брать больше, чем можешь съесть. Дух Академии за этим следил особенно ревностно, и я до сих пор помню, как вокруг одной из преподавательниц летал «Хор просроченных печенек». Правда, было это на моем далеком третьем курсе, но я не думаю, что Дух сильно изменился с тех пор!

Поставив перед Эллирой чашку, я опустилась на свой стул и подперла голову рукой.

– Я не знаю, что делать, если студентка Арсковиц придет ко мне за консультацией. Уже многие студенты приходили, просили посмотреть их жесты. Я некоторым правила пальцы, и они поднялись в рейтинге.

– Сейчас бой идет уже не только за первое место, – кивнула Эллира, – мне кажется, это одно из лучших решений. Конечно, те, кто никогда ничем особо не интересовался, и сейчас просто дремлют на занятиях. Мальчиков ждут семейные дела, девочки спят и видят свадебные колокола… Так глупо. Мне всегда больно смотреть на юниц, что выскакивают замуж, едва скинув ученическую мантию.

Я отвела взгляд. Мы с Октавианом поженились через неделю от получения мною диплома. И мне всегда казалось, что решение не поспешное, а обдуманное и хорошо взвешенное. В конце концов, пусть любви между нами не было, но он мне нравился. Нравились поцелуи и объятия. Остальное вышло как-то не очень, но… Это же не главное, верно?

– Прости, я не должна была так говорить, – с сожалением произнесла Эллира.

– Все в порядке, – я покачала головой, – тем более что ты полностью права.

– Вот как…

В этот момент прозвенел первый звонок, завершающий большой перерыв. Оставалось еще несколько уроков, и после мне придется немного посидеть в учительской, подождать дилижанс. Конечно, можно пойти пешком, но в моем случае это неразумно.

Занятия пролетели как один миг. Было приятно видеть горящие азартом глаза студентов. Даже Арсковиц смотрела на мои руки, а не на стену или парту. Если честно, я собой гордилась.

Правда, после занятия едва не рыдала, когда втирала в руки масло. Я знала, что еще три-четыре дня и все пройдет, но сейчас мне нужно было массировать пальцы, разминать ладони, что причиняло чудовищную боль. И это с применением масла!

– Ты тоже уже освободилась? – В учительскую вошел Грегори. – Тц, никуда не уходи. Присмотри за Мальрусом.

Рейер пересадил паука мне на колени и вылетел из учительской так, будто за ним гнались.

– И что это было? – спросила я у паучка.

Тот защелкал жвалами и аккуратно потрогал мои руки.

– За все приходится платить, – вздохнула я, – это моя расплата за годы сна и преступного равнодушия к самой себе.

Но нельзя было сказать, что я проснулась полностью. Сейчас у меня не хватало сил на то, чтобы построить планы на будущее. Даже думать было страшно о том, чтобы…

«Я справлюсь», – в очередной раз сказала я сама себе.

В этот момент вернулся Рейер.

– Я ведь спрашивал, – укоризненно произнес он. – И что слышал в ответ?

– Все в порядке, Грегори. К сожалению, это нормально для мага-начертальщика. Да, если бы я сидела где-нибудь в лаборатории, то мне не было бы нужды выписывать фигуры силой по воздуху. Все бы вычерчивалось на маг-листах или металле, но в институте мы…

– Тш-ш, – он поднял руку и коснулся указательным пальцем моих губ, – я же не осуждаю тебя. Просто… Просто не только у начертальщиков бывают проблемы с руками.

Он взял мою руку в свою ладонь и первым делом магией удалил все обезболивающе масло. Затем вытащил из кармана банку из темного стекла и, свинтив крышечку, зачерпнул синевато-зеленую массу.

– Я привез это из-за моря. – Он принялся осторожно втирать крем в мою руку. – В отличие от масла с обезболом, его не нужно вбивать в кожу.

Круговыми движениями он массировал мою ладонь и изредка задевал кожу запястья. Мне с трудом удавалось контролировать дыхание, ведь это было так похоже на ласку! Касания были настолько бережны, что он ни разу не причинил мне страданий. А ведь когда я делала это сама, то едва не плакала…

– Боль уходит, – выдохнула я. – Что это?

Мою руку стянули полупрозрачные наколдованные полоски, которые померцали и слились воедино, обернувшись странным подобием лайковой перчатки.

– Магические бинты, они исчезнут утром, – глухо ответил Рейер.

Взяв мою вторую руку, он начал все сначала. Моя кисть почти терялась в его сильных ладонях. И я не могла отвести взгляд от наших соединенных рук.

Обо мне никто так не заботился.

Прикрыв глаза, я тихо выдохнула.

– Больно? – обеспокоенно спросил Грегори. – Лил?

Распахнув ресницы, я осознала, что его лицо находится слишком близко. Так близко, что я рискую утонуть в его серо-зеленых глазах…

Ш-шурх! С шумом обрушилось несколько папок со стола Гирземы.

Выглянув из-за плеча Грегори, я увидела студентку Арсковиц. На щеках оборотницы пылали алые пятна.

– Извините, что побеспокоила.

– Вы что-то хотели у меня…

Но договорить мне было не суждено.

– Никогда и ничего, – выплюнула она, – у такой, как ты!

– Вы будете наказаны, – резко произнес Грегори.

На что она лишь покачала головой и вылетела из учительской, хлопнув дверью.

– Я не услышала ее.

– Мы не занимались ничем предосудительным, Вредина, – уверенно произнес Рейер.

Он сотворил заклинание, и мою вторую ладонь затянуло в перчатку.

– Да, – кивнула я. – Ты прав. Спасибо за помощь.

«Ты прав, – повторила я мысленно. – Ты просто помогал, а вот мои мысли и чувства были в смятении. Были предосудительны».

В дилижансе я предпочла сесть рядом с Эллирой. Она, счастливо улыбаясь, рассказывала про магазинчики, которые планирует посетить на выходных, и про свою свекровь, которая прислала еще не рожденному ребенку шкатулку с изумрудами. Мне оставалось лишь улыбаться, почесывать Мурри и прятаться от слишком внимательного взгляда Грегори.

«Не надо, – просила я его мысленно. – Не спрашивай. Я не хочу тебе лгать, а правда все разрушит».

Выскочив под дождь, я, прижимая к себе ошеломленную мантикошь, молнией унеслась прочь от дилижанса. Вот только, оказавшись во дворе особняка, увидев залитые светом окна столовой, я отчетливо поняла, что не хочу заходить.

– Сегодня могло случиться непоправимое, госпожа Мурри, – прошептала я и чмокнула лохматую маковку мантикоши. – Но вряд ли ты сможешь меня понять.

Зато я отчетливо понимала: мой брак закончился в учительской. В момент, когда лицо Грегори оказалось преступно близко к моему.

«Я была готова его поцеловать, – честно признала я. – Была готова разом перечеркнуть все хорошее, что есть в моей жизни».

– Мря? – Мантикошь прикрыла голову крохотным крылышком. – Мру?

– Да, ты права. – Я поспешно вошла в дом.

Поднявшись в свою спальню, я первым делом укутала мантикошь в подогретое полотенце. Но Мурри тут же выразила свое недовольство и выпуталась из него.

– Ты сейчас малышка, – я строго наставила на нее палец, – ты рискуешь снова подхватить сопли. Напомнить тебе, какие неприятные ощущения вызывает заклятье соплеотсоса?

Мантикошь брезгливо дернула задней лапой и явно показала, что по доброй воле она в полотенце сушиться не будет.

– Заметь, ты сама это выбрала, – фыркнула я и тут же активировала старую наработку.

Не успевшую пискнуть кошь замотало в полотенце так, что торчали только кончик носа и возмущенные глазенки.

– И даже не пытайся, – я хитро улыбнулась, – это заклинание я разрабатывала с учетом твоих особенностей. Ты не сможешь вернуть прежний размер и не сможешь выпутаться самостоятельно.

Из кокона раздалось приглушенное, но очень обиженное мявканье.

– Вот тебе таймер, заклинание тебя отпустит через пятнадцать минут.

Правда, иллюзию обратного отсчета повесить не получилось: я пожалела труды Грегори и не настала напрягать руки. Очень уж сложный рисунок у этого колдовского воздействия.

– Мфвр! Мр!

– Ты знаешь, что я права, – припечатала я и поспешила отправиться в горячий душ.

Все-таки ливень, вставший стеной, вымочил и меня тоже. Несколько минут душевных терзаний рисковали обернуться неделей простуды! А ее, как известно, с зельями лечат неделю, а с заклинаниями семь дней.

Закрыв «перчатки» отталкивающим воду заклятьем, я принялась настраивать воду. Увы, душевой артефакт у меня был не из лучших и не сохранял настройки, так что каждый раз

приходилось начинать сначала. И не шевелить руками перед собой: напор воды тут же падал, и приходилось снова все перенастраивать.

Пригревшись под душем, я прикрыла глаза и расслабилась. Сегодня или завтра мне придется поговорить с Октавианом о нашем браке. Боги, даже не представляю, как ему об этом сказать.

«У меня достаточно причин расторгнуть «бумажный» брак, даже если не касаться вопроса моих чувств», – строго сказала я себе.

Но… Октавиан был по-своему добр ко мне, разве нет? Покачав головой, я неудачно махнула рукой, и вода выключилась.

В эту же секунду я услышала приглушенный хлопок двери. Кто мог войти в мою спальню? Октавиан предпочитал звать меня к себе, заранее обговаривая день выполнения супружеского долга…

Накинув на плечи халат, я вышла в комнату и…

– Октавиан? – Я оторопело посмотрела на супруга, стоявшего у кровати и с интересом разглядывавшего мантикошь.

– За что ты ее так? – спросил он, не оборачиваясь.

– Мы вымокли под дождем, а она не захотела сушиться, – я пожала плечами, – пришлось использовать магию.

– Крепко ты ее спеленала, – он полуобернулся, – не боишься за крылья?

– С чего ты так добр? – Под его взглядом мне захотелось плотнее запахнуть халат

– Не добр, – он покачал головой, – просто интересно. Сегодня супруги Этари взяли расчет.

Вздрогнув, я посмотрела на Октавиана:

– Что?

– Что слышала, – он повернулся ко мне, – ты довольна? Дом разваливается на части, пока ты невесть чем занимаешься!

«Невесть чем?» – ахнула я мысленно. И тут же виновато опустила глаза. Да, сегодня я едва не нарушила собственное обещание хранить верность, но…

– Мвря! Мру! – мантикошь закричала так, будто полотенце причиняло ей боль.

И в ту же секунду моего носа коснулся кисловато-горький, знакомый до боли запах.

– Я ему не проиграю, Лили, – жестко выдохнул Октавиан и взмахнул рукой, с которой сорвалась серо-зеленая пыльца, – никогда не проиграю.

– Это порошок эстерника? – с ужасом спросила я. – Что ты наделал?! Я не смогу пользоваться силой несколько дней!

– В этом и суть, моя бесценная супруга, – он усмехнулся, – в этом и суть.

Осознание яркой вспышкой озарило меня, но разум отказывался в это верить. Он собирается… собирается заставить меня… принудить меня…

– Ты хочешь взять меня силой? – неверяще спросила я, отступая к двери в душ.

– О чем ты, милая, – он покачал головой, – ты моя жена, принадлежишь мне. Как же можно взять силой то, что мое по праву?

Ахнув, я резко рванула на себя дверь в ванную комнату, но без магии Октавиан был в разы сильней и быстрей.

– Твой контракт будет заморожен, Лили, – он посмотрел мне в глаза, – на несколько недель, а затем его выполнит нанятый мною начертальщик. *Я знаю законы лучше тебя, Лили*.

Зажмурившись, я завизжала что есть мочи, а он… Он лишь захохотал:

– Ты не слушала меня? Чета Этари покинула нас, Лили, моя Лили. Мы одни здесь. Твоя мантикошь – грозный противник, но ты сама позволила ей надышаться эстерником.

– Ты тоже им надышался, – хрипло выдохнула я, а после снова закричала: – Пожалуйста! Помогите! На помощь!

– Надеешься на того старика, что ты пригрела из милости? – Он с интересом посмотрел на меня. – Не стоит.

Подойдя ко мне вплотную, он низко склонился и с хрипотцой прошептал:

– Сейчас все зависит от тебя.

Я могла бы подыграть ему. Затем улучить момент и убежать, добраться до магистрата и подать заявление о разводе, но… Эстерник запирает магию в теле. Вероятность того, что вынужденная близость с мерзавцем приведет к беременности, выше семидесяти процентов. Этот порошок порой прописывали женатым парам, если долгожданная беременность никак не наступала.

– Не смей меня трогать, Октавиан Дортари, – жестко и холодно проговорила я. – Сегодня я приняла решение развестись с тобой.

Мой будущий бывший супруг застыл. Могла ли я этим как-то воспользоваться? К сожалению, нет. Все, что мне оставалось, – это лишь уповать на чудо.

– Ты полагаешь, – он прижался ко мне и, опустив руку вниз, нашарил и сдавил мою правую ладонь, – что именно эти слова сделают меня снисходительней к тебе?

– Именно эти слова считают в моей памяти в суде в магистрате, – сквозь зубы процедила я. – И даже если ты сделаешь мне ребенка, папочку он не увидит: ты сгниешь в шахтах, Октавиан Дортари.

Мне было больно. Очень больно. Он стискивал мою ладонь так, что хрустели кости. А в следующую секунду Октавиан бросил меня на постель.

– Думаешь, ты сможешь выйти из особняка?

Стиснув зубы, я просто молча закрыла глаза.

– Ненавидишь меня? – Он рванул мой халат, обнажая кожу. – А? Я задал тебе вопрос!

– Я тебя презираю. И однажды я просто переверну страницу и забуду про твое существование.

Голос дрогнул, выдавая мой страх. Руки и ноги заледенели, и я не могла понять, происходит это из-за эстерника или из-за паники, что проникла в каждую клеточку моего тела.

– Мряу!

Мурри, моя крошечная подружка, вцепилась в руку Октавиана. Время вышло, и полотенце выпустило малышку, вот только увеличиться в размерах она не могла!

– Не смей ее трогать! – Я что было сил пихнула его в грудь. – Не смей!

Он со стекающей на грудь кровью застыл напротив меня. В его руке извивалась моя мантикошь, и Октавиан, нехорошо улыбнувшись, спросил:

– Интересно, сколько она проживет со сломанным позвоночником.

– Если ты только посмеешь причинить ей вред, то я перегрызу тебе горло, – хрипло, яростно выдохнула я.

– Ты была столь же пылка, когда миловалась с Рейером в учительской? – Октавиан внезапно успокоился.

– Что за глупости ты говоришь? – нахмурилась я, не понимая, как могли пойти слухи, ведь времени прошло совсем ничего!

Но мне не суждено было узнать ответ: по воздуху поплыли радужные всполохи, а на весь особняк разнесся пронзительный звон. Городская стража вскрывала нашу охранную систему.

И в это же мгновение Октавиан отпустил мантикошь и улыбнулся:

– Ты меня провела. Но не думай, что я не сумею поквитаться. Иди встречай своих спасителей.

Он отошел в сторону, и я, не желая ждать ни секунды, прижала мантикошь к сердцу, молнией бросилась вниз. Спускаясь по лестнице, я запнулась и рухнула к ногам стражника.

– Лилия Сольрей? – в голосе мужчины не было ни грамма тепла.

– Да, – я поднялась на ноги, – помогите, пожалуйста, я…

По щекам потекли слезы. Там, в спальне, когда я оказалась в страшной ловушке, мои глаза были сухими. Но сейчас, когда спасение было так близко… Боги, я почти любила этого стража, хоть он и смотрел на меня как на… Как на чудовище?

«Этот странный взгляд… – Я крепче прижала к себе Мурри. – Почему он так смотрит на меня?»

– Лилия Сольрей, временный преподаватель практической начертательной магии, вы обвиняетесь в убийстве студентки Леранны Арсковиц, – сухо произнес стражник.

Меня будто ударили. Они пришли не спасти меня? Они пришли, чтобы обвинить меня?! Я подумала, что мой крик услышали соседи.

– Что? Нет! Я… Я никого не убивала. Я не оставалась одна. – Мой мозг не слушался, я никак не могла понять, что происходит и…

– Господа, что вы забыли в моем доме? – По лестнице медленно, вальяжно спускался Октавиан. – Вначале моя жена явилась с дикой истерикой, даже вот, разукрасила меня, а теперь вы вломились… Могу я узнать, на каком основании вы превращаете мою жизнь в дрянной цирк?

– Вы знаете, во сколько прибывает дилижанс института прикладной магии и магозоологии? Учтите, что сейчас все ваши ответы записывает инфокристалл. – Стражник не смотрел на меня.

– Знаю только, что дилижанс…

Тут он осекся. Еще бы, если он скажет, что меня в нем не было, то это опровергнут другие профессора.

– Не знаю, как объяснить, – он мягко улыбнулся, – но разве могла моя супруга вымокнуть до нитки, если бы прибыла на дилижансе? А так-то они прибыли примерно в одно время, но ее состояние… Она то смеялась, то плакала, а после и вовсе заявила, что хочет развода. Да и с руками у нее что-то.

Стражник что-то отрывисто произнес, и в холле вспыхнул яркий свет. Взгляды скрестили на моих ладонях, укрытых магическими бинтами.

– Лилия Сольрей, вы будете препровождены в башню стражи.

– Я же в халате, – растеряно произнесла я, – как же так…

Мое бормотание не разжалобило стражу. Мурри вытянули из моих рук, и через секунду на моих запястьях защелкнулись антимагические наручники.

– Вы можете испытывать дискомфорт и холод, – проинформировал меня страж.

И кто-то из-за его спины бросил:

– Как та бедная студентка, что осталась лежать в парке.

– Я не могу испытывать холод, – меня вдруг разобрал смех, – мой ублюдочный муж держал меня под эстерником. Я не могу испытывать холод.

Смеясь, я подняла руки, чтобы лучше рассмотреть антимагические наручники. Одновременно с этим я ощущала, как мое тело пронзает жар. Эстерника вошла в резонанс с магией наручников. И если порошок запирал мою силу внутри, то наручники вытягивали наружу, в накопитель.

И мне вдруг нестерпимо захотелось рассказать, кто первым додумался до этой гениальной идеи:

– Эраст Вельдорф решил, что преступники должны приносить пользу. При нем впервые были использованы наручники с активным накопителем, который вытягивал силу из заключенных. Ха-ха-ха, интересно, ха-ха, кто окажется сильней…

Перед глазами все плыло.

– Мурри должна пойти со мной, иначе мой будущий бывший мерзавец убьет ее. Он угрожал. Мурри. Мурри.

– Я забрал ее, забрал. Все будет в порядке.

Услышав этот до боли родной голос, я сдалась затапливавшему тело жару и закрыла глаза. Будь что будет, я устала бороться с этим безумным днем.

Глава 5

Грегори Рейер

Всю дорогу до Башни Стражей он держал ее на руках. Тонкая, болезненно хрупкая, Лилия дрожала и едва слышно стонала от боли. Грегори снял с себя рубашку, чтобы располосовать ее и обмотать запястья Вредины: слишком уж раскалились кандалы.

В дилижансе стражи у него попытались забрать ее. Хотели бросить Лил в клетку, предназначенную для перевозки преступников.

– Каждый, кто осмелится протянуть к ней свои руки, – хрипло выдохнул он, – сдохнет.

– Вы смеете угрожать представителям городской стражи? – спросил кто-то из них, но Рейер не ответил.

В Башне он сразу же поднялся на третий этаж, к целителям. И, к ужасу стражников, зачарованные двери распахнулись перед ним сами собой.

– Кто он такой? – спросили за спиной.

– Профессоришка какой-то, из прикладного института.

– С каких пор тамошние профессора управляют нашими охранными контурами?

Усмехнувшись, Грегори чуть ускорил шаг. Что ж, если в прошлом он сожалел о своем решении, то сейчас оно принесло неожиданную выгоду: он сможет защитить Лилию. Любой ценой.

Целительское крыло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.